

18+

КУЗНЕЦ ДУШ

РИН ЧУПЕКО

Костяная ведьма

Рин Чупеко
Кузнец душ

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.111-312.9(599)
ББК 84(5Фил)-44

Чупеко Р.

Кузнец душ / Р. Чупеко — «Эксмо», 2018 — (Костяная ведьма)

ISBN 978-5-04-151020-6

Изгнание подошло к концу. Тия слишком долго скрывала истинную силу, но теперь готова обрушить свой гнев на правителей, что забрали жизнь ее возлюбленного и лишили надежды на счастье. Однако не людей стоит опасаться Костяной ведьме. Звероподобные порождения тьмы, чьи сердца поглотила гниль, готовы сломить волю аши и уничтожить ее душу. Тия, чья магия способна подчинить могучих дэвов, а стеклянное сердце окутано сумраком, ступила на тропу войны. Но иногда власть и сила могут поглотить без остатка. Тьма, разъедающая девушку изнутри, оказалась слишком близко и уже не намерена отпускать Костяную ведьму из своих удушающих объятий.

УДК 821.111-312.9(599)

ББК 84(5Фил)-44

ISBN 978-5-04-151020-6

© Чупеко Р., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

58

Рин Чупеко

Кузнец душ

Rin Chupeco

THE HEART FORGER

Copyright © 2018 by Rin Chupeco.

Originally published in the United States by Sourcebooks Fire, an imprint of Sourcebooks, Inc.

www.sourcebooks.com

© Дорохова С. Л., перевод на русский язык, 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

«Захватывающее продолжение «Костяной ведьмы», которое отправляет читателей в опасное интригующее приключение».

Foreword Reviews

«Книга поражает. Взрывоопасная и восхитительно романтическая. Серия имеет огромный потенциал и готова стать феноменальным явлением в жанре фэнтези».

RT Book Reviews

Посвящается Момофуку Андо, создателю лапши быстрого приготовления, которая поддерживала меня на протяжении множества долгих ночей, пока я боролась со словами и неуверенностью в себе.

С уважением к своему президенту

Все эти трупы она водила за собой для антуража. По равнине, раскинувшись на многие мили вокруг, за ней волочилась длинная безобразная ткань из сморщенной плоти и костей. Те, у кого не было ступней и ног, для передвижения пользовались руками и локтями; у лишенных ртов и языков стон вырывался из самого горла. Подходили еще зеваки, хватались за растянувшийся шлейф, и уже вскоре я не мог понять, где кончается ее платье, а где начинаются они.

– Страх, – заметив на моем лице отвращение, весело пояснила она. – Увидев свою судьбу в этих разложившихся лицах, люди перестанут воевать.

Я не стал с ней спорить и окончательно сдался, когда солдаты, ослушавшись приказов своих командиров, разбегались, лишь бы не видеть этих ужасов.

С тех пор как мы вступили в Даанорис, она опустошала каждую могилу, что попадалась нам на пути, ни один надгробный камень не остался нетронутым. Покинув море Черепов, она только увеличила свою силу. Каждый воскрешенный ею дэв высасывал из нее столько

жизни, что к последнему она сама едва не стала трупом. И все равно с относительной легкостью поднимала из могил этих жалких упырей.

Насколько я помнил, аша достигает своего предела, воскрешая пять или шесть мертвецов. Даже самые сильные Костяные ведьмы не могли выдержать более дюжины в лучшем случае. Я понимал, что бесконечная сила этой девушки крылась в ее сердце, черном как самая темная ночь, тогда как у обычной аши оно светилось серебром.

Такое неуважение к невинным умершим людям приводило меня в ужас, и я умолял ее не тревожить их покой. Но на мои мольбы она отвечала стихом.

– Мертвым не нужен покой, – говорила она, – только живые думают, что смерть дарует умиротворение.

Поднимать такую армию мертвецов было незачем, и она это знала. Одних дэвов было бы достаточно, чтобы уничтожить все королевства. Семь необычайно послушных чудовищ, один ужаснее другого, шествовали рядом со своей хозяйкой. В былые времена они славились своей жестокостью, могли без труда проглотить целые армии. И тем не менее за всю дорогу до Даанориса ни разу не обратили внимания на убегающих от них мужчин и женщин. Проявляя невиданное милосердие, создания просто двигались дальше.

Людской страх был мне понятен. Я столько ночей провел в окружении этих демонов и всякий раз, разбивая лагерь, гадал, увижу ли рассвет. Успокаивало лишь присутствие Искателя смерти, лорда Калена, не более живого, чем толпа трупов, следующих за его возлюбленной. Но у него, как и у меня, вздымалась и опадала грудь, на лице не было видно ни капли мертвенной бледности, а в пронизательных карих глазах светилась жизнь, и только отсутствие дыхания говорило об обратном.

– Пусть они бегут, – однажды ночью тихо сказал он. – Со временем ты все поймешь.

– Поведайте мне ее замысел, – потребовал я у него. – Она обещала рассказать свою историю. Так зачем держать меня в неведении?

– Чтобы ты постепенно переборол свой страх, – ответил он и посмотрел на дэвов, рвущихся где-то в темноте со своей хозяйкой. – Привык к одному злу, прежде чем мы познакомим тебя с другим.

Его слова наполнили меня дурным предчувствием. Что же такого намеревалась сделать аша в столице Даанориса?

Я наблюдал за ними: некромантом и ее фамильяром. Замечал ее быстрые взгляды, брошенные тайком в его сторону, когда он, как ей казалось, не замечает этого.

– Я неприятен тебе? – не отводя глаз от костра, спросил он. – Я так сильно изменился?

– Нисколько, – тихо ответила она.

– Как ты смогла меня воскресить? Ведь серебряное сердце...

– Я не воскрешала. – Она опустила взгляд. Ее руки дрожали. – Меня... меня настолько переполняла Тьма. Я чувствовала себя такой могущественной, что могла остановить солнце. Так оно и произошло.

Тогда он опустился перед ней на колени и обхватил ее личико в форме сердца своими большими ладонями.

– Ты злишься на меня? – Впервые я увидел ее страх. – Обижен, что я вернула тебя в этот хаос?

– Я пообещал тебе с последним вздохом, поклялся своей кровью и твоим сердцем в моих руках вылезти из могилы и убить каждого, кто встанет между нами, – с этими словами он склонился к ней и впился губами в ее губы.

Она с жадностью прикинула к нему в поцелуе, лаская руками его шею. Он крепче прижал ее к себе, будто этих объятий всегда будет мало. Я отвернулся.

На следующий день, когда мы двинулись дальше, на шее Костяной ведьмы красовались слабые отметины, а глаза ярко блестели. У Искателя смерти повреждений заметно не было, только устремленный на нее взгляд, который всякий раз наполнялся нежностью.

Вскоре перед нами предстала столица Даанориса, Сантьян. Я оценил ее высокие стены и укрепленные башни. Рассмотрел подрагивающие факелы размещенных в них гарнизонов солдат. Даже издали был виден их нарастающий – выше поднятых знамен – страх.

Фамильяр потянулся к девушке и обвил руками. Расслабившись, Темная аша прильнула к нему – она редко показывала свою ранимость.

– Даанорийцы так просто не сдадутся, Тия, – сказал лорд Кален.

– Это неважно. Их ворота все равно падут. Сегодня передохнем здесь, а завтра начнем наступление. У них будет время увести женщин и детей, а также завершить все свои дела.

– Еще не поздно. Мы можем уйти – куда угодно. Они нас не найдут.

На миг я разглядел в ее глазах сильное желание поддаться искушению, которое вызвали его слова.

– Ты же знаешь, что они точно так же будут поступать со всеми Костяными ведьмами. Это никогда не закончится.

Искатель смерти наклонился к ней, их лбы соприкоснулись.

– Тогда мы будем сражаться.

Девушка обернулась к своей преданной свите мертвецов.

– Спасибо вам, – тихо произнесла она, как если бы рассказывала ребенку сказку на ночь. – А пока поспите.

Мертвые дружно вздохнули – этот пугающий звук сорвался с уст ближайшего упыря, ухватившегося за подол ее платья, и эхом пролетел до самого последнего покойника на много миль позади.

А после они все разом рухнули. Как вода просочилась в землю, которая поглотила их без остатка. Орда из тысячи трупов обратилась в маленькую кучку. Дэвы разразились прощальным воем.

Аша опустила у поваленного бревна, сгребая в кучу камни. Искатель смерти взмахнул рукой, и на месте груды камней вспыхнул огонь. Она жестом пригласила меня присесть рядом с ними, я повиновался.

– Ты должна рассказать мне, что было дальше, – попросил я, зная, что это далеко не конец истории.

– Да. – Она задумчиво смотрела на костер, языки пламени пробивались из-под камней. А потом как ни в чем не бывало произнесла: – Мне кажется, неприятности снова начались тогда, когда я попыталась воскресить короля из мертвых.

1

«Не такой уж он и жуткий, – убеждала я себя, глядя на искореженное разложившееся тело перед собой. – Я подчиню его себе. Сломлю его волю. Удивительно, что Микки в нем нашла».

Уже не первый раз я обманывала себя таким образом. Как и не первый раз поднимала короля Ванора из могилы. Мне казалось, что, повторяя эту мантру сотню раз, я смогу наконец поверить в эти слова.

Мертвый король отказывался смотреть на меня и глядел куда-то вдаль. Королевские усыпальницы строили так, чтобы внушать страх и благоговение тому, кто сюда спускается. Но я уже привыкла к спокойным каменным лицам, безмолвно взирающим на меня с высоты. Однако всякий раз затянувшееся молчание короля Ванора меня раздражало – и даже больше, чем мне хотелось бы.

– Один мудрый философ сказал, – раздался из темноты протяжный голос Фокса, – повторение одних и тех же действий в надежде получить другой результат – признак глупости.

– Я для чего тебя взяла?

– Ну, один мудрый философ сказал...

– Заткнись. – Брату даже не нужно было говорить, что мое предприятие безнадежно. Множество Темных аш, гораздо опытнее меня, предпринимали подобные попытки. Но я должна была сделать хоть что-то.

– Ты явно сегодня не в духе. Снова Кален отчитал на тренировке?

– Если тебе здесь не нравится, почему бы не пойти в город и не пофлиртовать с какими-нибудь дамами?

– Не в Ода... – Он осекся. – Тебя это не касается. Может, уже закончим?

Я снова повернулась к мертвецу.

– Где ты спрятал сердце Микаэлы?

Ответа не последовало. Исполинские статуи, охраняющие катакомбы, ответят быстрее, чем этот мерзкий король.

– Отвечай! Что ты сделал с ее сердцем? Где ты спрятал его? Почему ты так ее ненавидишь? – Головная боль усилилась. В ответ на злобу где-то в глубине моего сознания заметалась тень. Перед мысленным взором предстала зеленая мутная вода, а после видение исчезло.

Я сделала глубокий вдох и медленно выдохнула. Боль ослабла, и, как только я взяла себя в руки, тень отступила.

– Зря теряем время. – Фокс сложил руки на груди. Казалось, мой брат находится в самом расцвете сил, хотя и был не живее королевского отпрыска перед нами.

На этом их сходство заканчивалось; телу Ванора, дабы сойти за человека, не помешало бы больше кожи и сухожилий. Но это уже я постаралась. Воскрешая его первые несколько раз, я действовала со всем почтением и изо всех сил стремилась сделать его тело таким, каким оно было при жизни.

Сейчас же наградила количеством мышц и плоти, достаточным лишь для того, чтобы шевелить челюстью.

– Он не будет говорить, Тия. Ты это знаешь, я это знаю, и он явно это знает.

– Я заставлю его говорить.

Много лет назад моя сестра-аша влюбилась в это жалкое подобие короля. В обмен на ее безоглядную преданность он забрал у нее сердце и спрятал так, что никто не может его найти.

С тех пор минуло более десяти лет, и теперь Микаэла умирает. Она больше не может вернуться в Кион. Ее здоровье ухудшилось настолько, что она вынуждена держаться как можно ближе к своему сердцу, погребенному где-то здесь в Одалии, в городе Нив. Быть Костяной ведьмой очень непросто; удивительно, как она вообще продержалась так долго.

Я схватила короля за то, что осталось от его плеч, и дернула на себя. От него разлило смертью и упрямством.

– Отвечай! – Мой голос эхом отскочил от колонн. – Неужели ты ни капельки ее не любил? Или ты настолько мелочный, что позволишь ей страдать весь остаток жизни? Она умирает. Какую обиду ты затаил на нее, что так сильно ее ненавидишь?

– Тия.

Я замерла. Фокс тоже.

О своих еженедельных походах в королевские усыпальницы я никому не сообщала. Даже своей подруге Полер, которая, узнай обо всем, тут же надрала бы мне уши, а госпожа Пармина обрела бы на пожизненную чистку туалетов. В мою тайну был посвящен только Фокс, который, несмотря на опасения, согласился держать ее при себе. И меньше всего мне хотелось, чтобы узнала Микаэла.

За последние несколько лет, с тех пор как сестра взяла меня под свою опеку, она стремительно постарела. В золотистых волосах прибавилось седины, а на лице появились морщинки. Спина немного ссутулилась, словно под тяжестью невидимой ноши. И куда бы она ни шла, везде опиралась на палку, не доверяя собственным ногам.

– Микаэла, – пролепетала я, – тебя же не должно быть здесь.

– То же самое я могу сказать о тебе, – ответила она, не сводя с короля Ванора взгляда, полного страдания. Тот с серьезным видом, без тени стыда или вины, взирал на нее, и во мне снова закипела злость. Сколько же раз моей сестре-аше приходилось воскрешать этого короля, только чтобы встретиться с его отказом открыть рот?

Я уже подняла палец, собираясь нарисовать руну, которая вернула бы Ванора обратно в царство мертвых, как Микаэла вскинула руку.

– Ванор, – тихо заговорила она, – давно не виделись.

Разложившийся труп ничего не ответил. Только изучал ее взглядом диким, голодным и злым, полностью подходящим этому бесстрастному лицу.

– Я прошу прощения за свою своенравную ученицу. Когда ее приняли в мой аша-ка, она уже отличалась упрямством и непокорством, и с тех пор мало что изменилось. Пожалуйста, покойся с миром. Тия, отпусти его.

Слова Микаэлы вонзились в мое сердце стальным ножом. Пролепетав извинения, я завершила заклинание, и обратившееся в прах тело короля Ванора рухнуло в открытый гроб. Все то время, пока его лицо осыпалось, он не сводил глаз с Микаэлы.

– Закрой крышку и верни камень на место, – приказала она. За ее спокойствием трепетала злость. – Даже скажи я королю Телемайну запечатать гроб, тебя это не остановит. Как ты вообще позволил ей это сделать, Фокс?

Брат пожал плечами, смущенно улыбаясь, как нашкодивший ученик:

– Я ее фамильяр. Таковы издержки моего существования.

– Быть фамильяром не дает тебе права быть идиотом! А ты? Зачем вздумала призывать мертвого короля посреди ночи?

– Я хотела помочь. – С Микаэлой мои оправдания звучали слабее, чем с Фоксом. – Подумала, раз уж теперь я умею управлять дэвами! Ты же сама говорила, что ни одна Темная аша такого раньше не делала! Вот почему... почему я...

Микаэла вздохнула.

– И отсюда ты сделала вывод, что чем-то отличаешься от предыдущих Темных аш? При наличии способностей, Тия, тебе не хватает мудрости. Нельзя подчинить себе умершего без его согласия. Разве не таков был мой первый урок, когда ты воскресила Фокса? Самонадеянность не красит тебя, сестра.

Сдерживая слезы, я потупила взгляд. Неужели я из одной самонадеянности хотела ее спасти? Темных аш и обладателей серебряных сердец, в отличие от Фокса, невозможно воскресить, и такая перспектива меня очень пугала.

– Прости. Я правда хотела помочь. Я чувствую себя такой беспомощной.

Она приблизилась ко мне, я почувствовала, как ее ладонь легла на мою голову и пригладила волосы.

– Чувство беспомощности иногда полезно. Оно учит нас тому, что некоторые события неизбежны, поэтому мы должны то недолгое время, отведенное нам, проводить с самыми дорогими людьми. Ты меня понимаешь, Тия?

– Да, – всхлипнула я.

– Тия, я еще не умерла. – Она пальцем приподняла мой подбородок. – И буду признательна, если и ты перестанешь так считать. Я так просто не сдамся, но мы должны найти другой способ.

– Мне очень жаль.

– Надеюсь, это действительно так. Но ты больше не станешь никого воскрешать в королевской усыпальнице, какими бы благородными твои намерения ни были. Обещай мне.

– Обещаю, – пробормотала я.

– То же самое касается и тебя, Фокс.

– Обещаю, миледи.

– Хорошо. А теперь помоги мне подняться по лестнице. Мои ноги уже не те, что были раньше.

Фокс наклонился и взял Микаэлу на руки.

– Так будет быстрее, – пояснил он. – Ты потратила уже достаточно сил, отчитывая нас.

Старая аша усмехнулась.

– Да, если подумать, это занятие всегда было утомительным. Может быть, вам стоит направить свою энергию в более полезное русло, чтобы я меньше уставала?

– Как ты узнала, что мы здесь? – спросила я.

– Я люблю прогуливаться по ночам. Решила вот заглянуть к Тие, а ее комната оказалась пуста. Поблизости чувствовалась пульсация рун, и я просто пошла к ее источнику.

– Я не хотела тебя тревожить.

Лестница вела обратно в сады одалийского дворца. Последние два месяца мы с Фоксом гостили у короля Телемайна, путешествовали по королевству и лечили больных. Многие жители, как и раньше, боялись и недолюбливали Костяных ведьм, но уже без прежней горячности. Ведь непросто таить злобу на того, кто вернул тебе здоровье.

По приглашению короля Микаэла могла сколько угодно жить в его замке, но с каждым днем все слабела. Я боялась, что этот дворец может стать для нее последним пристанищем.

– Поверь, Тия, у меня хватает и других поводов для тревог. Насколько мне известно, сейчас повторно рассматривают прошение Лика, да?

Сообщество аш отказало ему в просьбе присоединиться к ним, однако Полер вспомнила какой-то малоизвестный закон, позволяющий Искателям смерти тренироваться в квартале Ив до наступления пятнадцати лет – нынешнего возраста Лика.

Микаэла бросила поверх плеча Фокса последний взгляд на катакомбы и отвернулась.

«Она до сих пор его любит», – подумала я, и внутри вспыхнула ярость.

– Мне правда очень жаль, Микки.

Она улыбнулась.

– Как я уже сказала, надеюсь, это действительно так, Тия. А теперь отдыхай. Завтра у нас трудный день.

Я дождалась, пока шаги брата стихнут, и тайком выбралась из комнаты во второй раз. Попутно впустила внутрь своего разума притаившиеся тени. Они, укутав мое сознание, образовали внутренний барьер – многие месяцы он не позволял Фоксу узнавать о моих тайных мыслях и чувствах, подобных сладкому вину, которым не хочешь ни с кем делиться. Я просто не могла. Пока что.

В конюшне меня ждал Вождь. Одинокая женщина на лошади не вызвала никаких подозрений, так что мы спокойно выехали из города и скрылись из виду в роще. Там я спешила, приказала коню ждать моего возвращения и двинулась в глубь леса, в сторону полянки, служившей местом нашей встречи.

Я снова мысленно потянулась к надвигающейся тьме. Шрам на правом бедре горел и в ночной прохладе казался обжигающим, но боли я при этом не чувствовала.

Несмотря на свои размеры, существо умудрялось прятаться в тени. Словно из ниоткуда оно возникло рядом со мной там, где еще секунду назад никого не было. На меня уставились

три пары прищуренных глаз, подрагивали раздвоенные языки. Оно расправило крылья, и меня накрыло темнотой, приятной и успокаивающей.

«Хозяйка?» Его голос не был похож на голоса в человеческом представлении. Наша связь дарила понимание, простирающееся за пределы языка.

Я протянула к нему руку. Его чешуйчатая шкура на ощупь напоминала грубую кору и шероховатую наждачную бумагу.

«Поиграем?» Пока я забиралась чудовищу на спину, оно стояло неподвижно.

«Да».

В мгновение ока мы взмыли высоко в небо и уже парили над лугами и зелеными полями. «Поверни», – подумала я, проверяя границы своего контроля, которые сформировались за последние несколько месяцев. Ази повиновался и выгнул крылья в сторону горизонта. Я рассмеялась – мой радостный, полный свободы смех подхватил ветер, – и одна из голов с урачаньем ткнулась мне в щеку.

«Нет, это не эгоизм, – говорила я себе, – а ответственность». Микаэла лишь отчасти права: я своевольна и самоуверенна, но совсем не похожа на остальных Темных аш. Ни одна из них не сумела укротить ази. И пока в ночной тишине я летала на дэве, он не разорял города.

И все же я понимала, что встречи со своим спутником мне следует держать в тайне. Потому что по сравнению с воскрешенным королем дэв-фамильяр был гораздо большим злом. «Я должна его подчинить», – подумала я и тем самым предопределила свою судьбу.

– Что мы делаем в Даанорисе? – снова спросил я, когда она замолчала. – Почему ты мне не говоришь?

– Потому что ты, Бард, нужен мне не только как слушатель, но и как свидетель. Если я поведаю тебе все свои замыслы, ты не сможешь оставаться беспристрастным.

– Ты призвала меня. Я иду за тобой. Мое мнение мало что изменит.

– Ты славилась своей справедливостью, Бард. Я доверяю твоей мудрости и своему благоразумию. И здесь в Сантяне я хочу тебя кое с кем познакомить.

– С кем?

– Его называют Кузнецом душ. – Она одарила меня озорной улыбкой. – Мне с трудом верится, что ты с огромной радостью встанешь на мою сторону после той нескончаемой череды трупов, которые я призвала по пути сюда. Или после того, как я сообщила тебе о своем намерении захватить Даанорис. Не так-то просто скрыть отвращение. Для чего я пришла сюда? Да просто потому, что могу. Такая причина не приходила тебе в голову?

– Тия, – одернул ее Кален, в его тихом голосе послышались веселые нотки.

Девушка рассмеялась.

– Хорошо, я продолжу свой рассказ, пока у нас есть такая возможность.

На деревья напоздали тени, в лесу медленно растворялись дэвы, ступавшие бесшумно, несмотря на свои размеры. Ни единого звука: ни щебета птиц, ни гомона белок. Был слышен только шелест листьев на ветру, потрескивание костра и голос аши.

2

– Ты уже целовалась с мальчиком? – поинтересовался советник Людвиг, отчего я чуть не подавилась чаем.

Мы сидели в нивианской *чайхане* «Заколдованный дуб» – в одной из редких чайных Одалии, куда допускались аши. Она сильно отличалась от изысканных чайных Киона, но нравилась мне своим неформальным подходом. Фокс отправился на тренировку с одалийскими солдатами, а я, посетив за сегодняшний день несколько приемов, решила провести свое свободное время с советником – по праву истинным главой Истеры. Я ожидала услышать от него очередной урок истории или острую критику в отношении нынешней политики. Но точно не это.

– А почему, позвольте спросить, – выговорила я, после того как вытерла со стола пролитый чай и откашлялась, – вас это так волнует?

Советник Людвиг усмехнулся, из-за чего показался моложе своих семидесяти с лишним лет.

– А разве я не могу узнать, как обстоят дела у моей лучшей ученицы? Даже у более молодых аш в романтических отношениях опыта больше, чем у тебя, при этом для Киона они сделали гораздо меньше. Я сам раз или два во времена своей молодости целовался с хорошенькими ашами.

– Мне... мне некогда об этом думать.

– Чепуха. – Советник отщипнул кусочек хлеба из *танура*. – Необходимо соблюдать баланс. Ты еще очень молода, моя дорогая, но тебе грозит переутомление, если ты будешь все время зависеть от госпожи своего аша-ка. Наслаждайся юностью. И не позволяй этим гримзам вроде Пармины убеждать тебя в обратном. Кроме того, – добавил он, задумчиво пережевывая хлеб, – у меня есть замечательный племянник. Он всего на пару лет старше тебя...

Я застонала.

– Спасибо, советник, но мне с головой хватает и других отношений, чтобы к ним добавлять еще новые.

– Так, значит, у вас с принцем наметился прогресс?

– Вовсе нет! – Мои щеки сделались пунцовыми. – Он же принц! А я просто... я...

Костяная ведьма. Которую боялись и ненавидели везде, кроме Киона. Но и там к нам в первую очередь относились как к развлечению, а уж потом как к людям.

Советник только кивнул. В мире политики он существовал дольше, чем я жила на свете, а потому знал истинное положение вещей.

– Но тебя влечет к принцу Кансу.

– Ну, он добрый. И единственный, помимо брата и Микаэлы, кого не волнует, что я Костяная ведьма. Он заботится о своем народе. Действительно заботится, а не просто болтает, лишь бы успокоить своих подданных. Он искренне относится к тому, во что верит. И он очень... – В этом было непросто признаться. – У него очень приятное лицо. Не только лицо – все. То есть...

Старик усмехнулся.

– Я понимаю. Между прочим, браки между королевскими особами и ашами случались и раньше. Даже с Темными ашами. Так что это не редкость.

– Все равно. Ему и без того хватает хлопот – помогать своему отцу в управлении Одалией. – *«К тому же в голове у меня живет ази, милорд, – добавила я про себя. – Всем известно, что дэвы – оружие Безликих, а я владею самым опасным из них. Не нужно сюда впутывать еще и принца».* Тени в моей голове одобрительно зашевелились.

– А какие у тебя отношения с другими мальчиками при дворе? Например, с принцем Халадом?

Только советник Людвиг до сих пор называл брата Канса принцем, несмотря на то что способности Кузнеца душ лишили его притязаний на королевский трон. За последний год, как я окончательно стала ашей, мы с Халадом очень сблизились, и ни одна аша не достаивалась его уникального дара – получать из их воспоминаний новые стеклянные сердца.

– Замечательные, – ответила я, – только Халад все время занят работой больше меня.

– А что насчет Калена?

Я уставилась на советника, а потом рассмеялась.

– Кален? Да он до сих пор меня ненавидит.

– Ненависть – сильное слово, Тия.

– Но это так. Он при любой возможности игнорирует меня, а когда это невозможно, разговаривает со мной таким снисходительным, безразлично-агрессивным тоном, что просто выводит меня из себя. Послушать его, так я вообще ни на что не годна. Дай ему волю, он разлучит меня с принцем Кансом, а потом ждет, что я стану безропотно выполнять все его требования.

– А ты не могла чем-то вызвать его неприязнь?

– Ну, я точно не пыталась скрывать своего недовольства, – угрюмо призналась я. – И иногда могла пренебрегать его приказами, когда он вел себя как полнейший дурак.

Я замолчала. Советник Людвиг с веселым выражением лица смотрел куда-то позади меня. Сделала глубокий вдох.

– Полагаю, он сейчас у меня за спиной.

– Надо же, угадала с первой попытки. – Кален стоял, прислонившись к двери и сложив руки на груди. Как подобает Искателю смерти, он был одет во все черное, будто этот цвет придавал ему внушительности. На шее сверкало серебром стеклянное сердце. Он коротко, в знак уважения, кивнул истеранскому государственному деятелю.

– Лорд Людвиг, рад снова вас видеть.

– Взаимно, Кален.

– Как поживает король Рендорвик?

– Как и всегда, не слушает моих советов. А как там принц и его отец?

– Хорошо. Передавайте мое почтение его высочеству. – Кален обернулся ко мне. – Тебя хочет видеть Канс, – коротко бросил он и ушел.

– Советую тебе все же не злить его, – произнес советник Людвиг, когда я осторожно, стараясь не запутаться в подоле платья, поднялась. – В конце концов, Кален – ближайший соратник принца Канса. Возможно, если ты откроешься ему, он все-таки сменит гнев на милость.

Вздыхнув, я склонилась к советнику, чтобы обнять, и быстро поцеловала его в щеку.

– Учитывая, что причина его недовольства кроется во мне, это маловероятно.

– Подожди! – пытаясь догнать, окликнула я Калена, шагающего к замку, чем привлекла несколько любопытных взглядов прохожих. – Прости за все, что я сказала, но в этом не только моя вина. С тех пор как мы познакомились, ты постоянно резок со мной.

– Я не обязан перед тобой оправдываться, – сухо сказал он.

– Я думала, мы пришли к некоторому взаимопониманию. – Что было правдой. Несколько недель после битвы с *ази* на озере Стрипник он был почти дружелюбен со мной, после чего эта временная доброжелательность испарилась, и парень снова принялся критиковать, как я дерусь, что делаю и говорю.

– Ты неправильно думала.

Я сердито посмотрела на него:

– Ладно, выкладывай.

– Выкладывать что?

– Ты же слышал, как я назвала все качества, которые мне в тебе не нравятся. Не очень благородно с моей стороны, знаю. Теперь твоя очередь. Назови все, что тебе не нравится во мне.

– Сейчас не самое подходящее время и место...

– Будь все в этой жизни по-твоему, эти подходящие время и место никогда бы не нашлись, потому что ты такой же непробиваемый и непреклонный, как Стена Митры. Видишь? Делиться своими чувствами не сложно. Ну же, выскажись. Назови мне всего три пункта...

Он стал закипать, но наживку заглотил.

– Ты самоуверенная. Потому все время попадаешь в неприятности. И безответственная. Поскольку не думаешь о последствиях своих поступков и ждешь, что тебе кто-то поможет – как правило, твой брат. И у тебя есть раздражающая привычка морщить нос, когда говорят то, что тебе неприятно слышать, отчего ты выглядишь еще смешнее.

Я тут же вскинула ладонь к переносице и с ужасом осознала, что именно так и делаю.

– Ладно, ты уже сказал...

– Ты никогда не слушаешь. Никого. Не следуешь ничьим советам, особенно на тренировках с мечом. Всегда думаешь, будто все обернется к лучшему, хотя то, что этого не происходит, не мешает тебе снова и снова совершать одну и ту же ошибку...

– Я сказала три пункта, грубиян!

Он замолчал. На миг мне показалось, что сейчас он улыбнется. В его стеклянном сердце промелькнул целый спектр цветов: былой гнев немного утих, и на смену ему пришло изумление, неохотное одобрение – и что-то еще. Но стоило ему заметить, куда устремлен мой взгляд, как его кулон снова вернулся к безупречному серебристому сиянию.

– И ты все так же представляешь опасность для Канса, – тихо добавил он. – Ты с такой же легкостью можешь натравить на него дэва, как и сама убить его.

– Но я же этого не сделала.

– Это не имеет значения. Я повидал Темных аш больше твоего, и все они рано или поздно выгорали. Однажды Микаэле пришлось убить свою подругу, Костяную ведьму, потому что та слишком погрязла во Тьме. Возможно, ты и не переступаешь черту, но, безусловно, получаешь удовольствие от магии – а это еще хуже. – Я не могла понять выражение его лица – уж лучше бы он злился. – Моя задача – защищать принца Канса. Я тренирую тебя исключительно по его просьбе и против своей воли. Я тебе не друг. И никогда не стану относиться иначе.

Так вот оно что. Для Калена долг королю и принцу всегда будет превыше всего. От этого мне легче не стало.

– Ладно. Прости, что сорвалась. Как ты правильно заметил, я не думаю о последствиях. Хочешь – верь, хочешь – нет, но я не желаю принцу зла. Если мы не можем быть друзьями, то, может, хотя бы останемся воспитанными людьми?

Его плечи заметно расслабились.

– Если ты этого хочешь.

Совсем не этого я хотела, но стиснула зубы и проглотила рвущуюся наружу колкость.

– Прекрасно.

– Вот и славно. А теперь пошли. Нас ждет Канс.

Я молча поплелась за ним. Его слова больно жалили, но не мне его судить. Мои слова были не более приятны.

Когда мы вошли в комнату, принц Канс был всецело поглощен бумагами. Рядом с ним сидели мои сестры-аши Полер и Зоя. С нашим появлением все трое подняли головы. И хотя принц выглядел усталым, его лицо просияло. Я торопливо убрала за ухо несколько выбившихся прядок, мое настроение мгновенно улучшилось. Увидеть Полер при деле для меня не было неожиданностью, в отличие от Зои, которая всячески избегала любой грязной работы.

– Я просил Калена не беспокоить тебя в случае, если ты занята, – извинился принц Канс.

– Да, он очень ясно дал мне это понять. – Я бросила злобный взгляд на Искателя смерти, но тот совершенно не чувствовал угрызений совести.

– Как тебе, должно быть, известно, мы получили доклад о дэве, замеченном на этой неделе у границ Одалии, – начал он, не сводя с меня горящих зеленых глаз. Я ошиблась – слово «приятное» совершенно не отражало красоты его лица.

– Да, *азима*, – подтвердила я.

– В конце концов, мы выследили его у Королевского леса. Мой отец позволил тебе заняться им.

– Я сейчас же займусь этим.

– Не подумай, что я недооцениваю твои способности или умения любой аши, но я готов привести армию. Может, еще катапульты. Какие-то оборонительные сооружения. Это небезопасно.

– Ваше выс...

– Канс.

– Канс. – Мне было приятно его беспокойство – обо мне? – но я не могла не заметить бледность на его лице. – Мы справимся. Я уже и раньше делала это. А вам лучше отдохнуть. Уверена, леди Зоя и леди Полер обо всем позаботятся.

– Только леди Зоя в этом не уверена, – чирикнула Зоя, но быстро замолчала под строгим взглядом Полер.

Принц Канс печально улыбнулся:

– Так заметно? У меня проблемы со сном. Леди Альтисия даже давала мне травяную настойку от бессонницы.

– Тогда вам тем более не стоит перетруждаться, – заверила я его.

Он покачал головой.

– Я сейчас разрабатываю новую форму налогообложения, которая позволит снизить земельный налог и исключит необходимость в посредниках. Чем быстрее мы внесем эти изменения в закон, тем лучше будет для Одалии.

– А разве этим должен заниматься не министр финансов?

– Министр финансов хорош в своем деле, но проблема отчасти заключается и в нем самом. Большинство чиновников специально идут на уступки и освобождают дворян от налогов в попытке заслужить их расположение. Из-за подобных изменений на бедняков ложится еще большее налоговое бремя. Я убедил отца в том, что нам следует создать основу для искоренения такого протекционизма. С помощью моего плана мы сможем помочь жителям и при этом пополнить казну меньше чем за два года. Полер и Зоя прорабатывают его вместе со мной.

Канс был идеален – умный, милосердный, чуткий. Как он может не понравиться? Я искоса поглядела на Калена. Тот с самого начала нашего визита не проронил ни слова и стоял возле двери, словно статуя, готовая проснуться при малейших признаках опасности.

– План и правда хорош, – с улыбкой заметила Полер, которая сама выглядела усталой. – Наш юный принц – гений в цифрах. Но Тия права, Канс. На сегодня хватит работы.

Принц соорудил страдальческое лицо, но кивнул и отошел собирать бумаги. Вспомнив о словах Калена, я шагнула к Полер.

– Когда-то Микаэла убила Темную ашу, – нетерпеливо прошептала я, не желая, чтобы нас услышали остальные. Однажды она упоминала об этом, когда впервые взяла меня на пробуждение дэва.

Полер выгнула бровь.

– И что с того?

– Я хочу больше узнать о случившемся.

Аша фыркнула:

– Иллара, одна из подопечных Микаэлы, была хорошей девушкой, но на свою беду слишком честолюбивой. Ей не терпелось познать Тьму, однако она не понимала, что та может ее уничтожить. Она настолько жаждала этой Тьмы, что не видела границ. Поймав дэва, она попы-

талась подчинить его, вместо того чтобы убить. И тот свел ее с ума – Иллара сама чуть не стала дэвом. У Микаэлы не было выбора. Когда получаешь то, чем обладают Безликие: от самого ужасного дэва до невинных на первый взгляд рун... тут не может быть компромиссов.

– О, – только и смогла выдохнуть я.

– Быть своевольным – не порок, Тия. В молодости Микаэла сама была очень вспыльчивой. Как и все мы. А почему ты сейчас об этом спрашиваешь?

– Просто интересно, Полер. – *Потому что в моем сознании поселился ази.* Означает ли это, что я призвала Тьмы больше, чем должна была? Стану ли я следующей убитой Костяной ведьмой, очередной Илларой?

Я чуть не проговорила Полер. Я хотела рассказать ей свою тайну.

Но если скажу, меня тоже убьют?

Заметив в моем сердце вспыхивающие цветные разводы и ошибочно приняв их за незначительные волнения, Полер покачала головой.

– Тебе не о чем переживать.

– Что-то случилось? – к нам подошел принц Канс, на его лице застыл вопрос.

– Ничего, ваше в... Канс, – ответила я, решив увести разговор подальше от своих ужасных мыслей. – А какое отношение ко мне имеют вопросы налогообложения? У меня никогда не было опыта в разработке законов.

Принц моргнул.

– О. Нет. Я позвал тебя сюда совершенно по другому делу. Оно касается *азима*. Я планирую сопровождать тебя на охоте за ним.

– Ни за что! – воскликнули мы одновременно с Каленом.

Принц по-прежнему улыбался, но я заметила решительно вздернутый подбородок – точно такой же, как у его старшего брата и кузена.

– Боюсь, это не просьба. Правитель не только принимает законы. А если мои земли терроризирует какое-то чудовище, я не намерен прятаться за трон как последний трус. Отбываем завтра утром в семь, идет?

Нам ничего не оставалось, как согласиться. При всех достоинствах Канса их семейное упрямство всегда было сильнее.

– *Сдавайтесь, – выкрикнула она. Для когтей заурви стены не представляли никакой преграды. Камень и гранит рассыпались, словно песок, и вооруженные мужчины с криками бросились врассыпную. Следующим взревел акван и обрушился на ворота свои огромными бивнями и туловищем. Он бил по ним, пока те с громким треском не разлетелись в щепки.*

– *Сдавайтесь, – выкрикнула она. Сверху ударил индра, сокрушая своими ужасными когтями деревянные опоры и столбы, и вскоре перед нами лежали бесполезные груды разломанных катапульт и орудий. Азима с шипением свернулся клубком и шипами протаранил последнюю стену. Звуки сражений перебивали вопли разбегающихся людей и стоны раненых.*

– *Сдавайтесь, – выкрикнула она в последний раз, и вперед вышел нанхаитья, выставив свои два лица на всеобщее обозрение. Дэв гордо стоял на месте, и ни один меч, ни одна пушка, ни пролитая смола не могли пробить его шкуру. В конце концов, даже самые храбрые солдаты вынуждены были отступить пред лицом этого кошмара.*

Но именно ази представлял самую большую угрозу. С небес он поливал крыши потоками огня и пепла, и вот уже весь город полыхал большим костром. Непокорный рев чудовища обратился к облакам, предвещая скорую гибель оставшихся на земле. Однако на его призыв быстро

откликнулся лорд Кален: он воздел руку, и обрушившаяся с небес вода стремительно погасила разразившийся пожар, не дав тому нанести еще больший урон.

Я прятался за саурва, единственного среди своих братьев, кому было велено охранять меня. Существо безмятежно топталось на месте. Внешне саурва был похож на большую двадцатифутовую рептилию с чешуей ящерицы и выпученными желтыми глазами, лапы которого заканчивались острыми когтями. Как только к нам случайно залетала стрела или огненный шар, он поднимал свою ужасную лапу и ловил их в воздухе. Огонь практически не обжигал ее, а стрелы не причиняли вреда.

Я сжимал в руке зивар, который дала мне аша. Он не позволял мною управлять, но не защищал от физических ран. Лишенный какой-либо брони, я отчаянно цеплялся за него, как утопающий за бревно.

Уже спустя час все линии обороны города Сантянь были разбиты. По сигналу Тиш чудовища тяжело повалили вперед и ступили через ворота на опустевшие улицы даанорийской столицы.

– Направляйтесь к дворцу, – скомандовала аша и добавила с нотками стали в голосе: – Больше никого не трогать.

Я тихонько заплакал. Мне были слышны стоны раненых, стенания тех, кто ищет своих любимых. Костяная ведьма стремилась избежать жертв, но...

– У меня не было выбора, – тихо произнесла аша, на ее осунувшемся лице застыла маска усталости. Через несколько секунд она еще раз словно заклинание повторила эти слова.

Перед нашим взором раскинулся даанорийский дворец, его изогнутые башни цвета слоновой кости светились все ярче с каждым шагом. На стенах замка выстроились солдаты, пылающие огнем наконечники их стрел смотрели на нас. Тяжелые, измазанные смолой катапульты позади них ждали сигнала.

Внезапно аша остановилась, ее лицо расплылось в улыбке.

– А вот и сам ханьзянь¹, – весело прокричала она, ее голос разлетелся по округе. – Рада снова тебя видеть.

На вершине самой высокой стены показался мужчина в позолоченных доспехах. Дрожащим голосом он что-то ответил ей на даанорийском языке, на что она рассмеялась:

– Нам обоим известно, ханьзянь, что ты владеешь всеобщим языком. Именно на нем ты говорил, когда предал своего императора.

Мужчина в страхе отступил назад. Повернулся к своим солдатам и резко отдал приказ. С его криком в воздух полетели огненные стрелы. В ту же секунду катапульты выпустили залпы огня.

Саурва с невозмутимым видом закрыл меня от надвигающейся угрозы. Стрелы не причиняли ему никакого вреда, в отличие от объятых огнем бульжников. Его чешуйчатую шкуру охватило пламя.

Я испуганно дернулся назад, но аша схватила меня за руку раньше, чем я вышел из тени дэва.

– Не бойся и не двигайся, если хочешь выжить.

– Ты назвала его ханьзянем. – Так в Даанорисе именовали предателей.

– Для предателей может быть только одно наказание. – Не обращая внимания на усиливающийся жар, она устроилась возле перепончатых лап саурва. Пламя на его шкуре уже начало угасать, не оставляя после себя ожогов. – Подождем, пока запас их стрел, смолы и камней иссякнет. Только так можно сохранить этим солдатам жизнь. – Она оглянулась на стену, где маячил мужчина в ярких доспехах. А после заговорила с внушающим страх стран-

¹ Ханьзянь – в китайской культуре уничижительный термин для изменников китайского народа или государства. Слово «ханьзянь» отличается от более общего «предатель», которое может быть использовано для любого народа или страны.

ным запалом: – Однако этот мужчина – совсем другое дело. Пожалуй, я продолжу свою историю, Бард, пока мы ждем.

Я потрясенно уставился на ашу, которая спокойно рассказывала дальше, невзирая на бушующие вокруг нас огонь и страх.

3

Ни одна тренировка не подготовит тебя к бою с дэвом – это говорит та, кто встречалась с ними со всеми. Из всех чудищ *аэшма* самый пугающий. Его шипастое тело с невероятно острыми когтями – мечта любого оружейника. С ростом в две дюжины футов он все равно передвигается довольно быстро и скрывается от стрел солдат раньше, чем они успевают прицелиться.

Я возражала против сопровождения королевской армии и присутствия принца Канса. Воскрешение дэва – это не наблюдение за цветением вишни. Не королевский фестиваль, где требуется одобрение короля. Дэв – такое создание, которое не ведает различий между знатной особой и простолюдином. Даже наличие всех армий мира – а их столько и было – не увеличит шансы на спасение.

– Не стреляйте! – гаркнула я на солдат. – Не делайте резких движений и предоставьте Фоксу сражаться! – Как бы эти храбрецы ни настаивали на своем, но солдатские мечи и луки в бою с дэвом были не полезнее шелковых лент и платьев.

Аэшма с воем бросился вперед, Фокс увернулся от его атаки; его меч должен был скорее отвлекать, чем наносить смертельные удары. За год мой брат наловчился приманивать дэвов, а я – умирять их.

Когда монстр снова атаковал, Фокс перепрыгнул через его огромную голову, шипы *аэшма* пролетели всего в нескольких дюймах от его тела. Приземлившись, он, поддразнивая монстра, щелкнул того по носу. В присутствии зрителей даже Фокс не мог удержаться от показушности.

Несмотря на вспыхнувшую за ушами нарастающую боль, я продолжала сражаться. Меня окружил вихрь ветра, засияла руна Связывания. *Аэшма* застыл на месте, когда его тело опутали нити моего заклинания.

– Умри, – прорычала я, и парализованное существо рухнуло наземь. Но дэв еще не был повергнут; чтобы его убить, требовались силы, а моя головная боль только мешала.

По армии солдат пронесся дружный вздох облегчения. Вперед вышел принц Канс с неестественно горящими глазами, двигался он при этом как-то странно.

В моей голове тут же зашевелились тени. Перед глазами вспыхнуло очередное видение: вода и сложенные за спиной крылья, я стремительно плыву в морских глубинах...

Пока я с трудом пыталась выбросить картинку из головы, существо, воспользовавшись моим кратким замешательством, приготовилось к последнему отчаянному рывку. Кален ринулся вперед, чтобы схватить принца Канса за одежду и оттащить назад, а в эту секунду его попытался прикрыть Фокс. Один из шипов *аэшма* пронзил грудь брата насквозь.

– Умри! – вновь закричала я. Мое заклинание устремилось к дэву и поразило его в самое сердце. Отвратительное чудовище опрокинулось назад, утащив Фокса за собой. Его покрытые шерстью короткие лапы невольно дернулись, после чего дэв содрогнулся и затих.

– Фокс! – Мне доводилось видеть его и с ранениями похуже, но ни одна сестра не выдержит вида проколотого насквозь брата.

Фокс приподнялся с тела неподвижного зверя. Слегка скривившись, уперся ногой в усеянную шипами тушу, дернулся назад и с чавкающим звуком высвободился.

От этого зрелища всех окружающих затошнило. Принц Канс, содрогнувшись, отвел взгляд, а Кален смотрел на него с мрачным обвинением.

– Я в порядке, – заявил Фокс. – От легкой сердечной боли еще никто не умирал.

– Вот болван, – процедила я, однако свободно вздохнула, заметив, что с ним действительно все хорошо. Я глубоко вонзила нож в поверженного *азима*, не обращая внимания на кровь и вонь, исходящую от его внутренностей. Подвигала клинком внутри, пока не услышала характерный стук лезвия, наткнувшегося на что-то тверже кости.

Погрузила в рану руку и извлекла на свет фиолетовый безоар. Труп *азима* тотчас же обратился в пыль. От него остался лишь ярко сверкающий на моей ладони камень. «*Невероятно*, – подумала я, – *как внутри такого уродства может скрываться такая красота*».

Когда мы вернулись во дворец, принца Канса вдруг охватила дрожь. Он потер лоб.

– Даже не знаю, леди Тия, что на меня нашло. Я глупо полагал, будто это безопасно. Я даже не осознавал, насколько близко к нему подобрался, пока ты не закричала.

– Не каждый день видишь убийство дэва, ваше высочество, – заметил Фокс. – Поддавшись волнению, можно совершать необдуманные поступки.

Принц слабо улыбнулся.

– Я бы не назвал «волнением» ранение двухфутовым шипом, Фокс.

– Если бы Темная аша с самого начала полностью подчинила себе *азима*, – донеслось колкое замечание от окна, где обустроился Кален, – этого «волнения» можно было бы избежать.

– Если бы стражник принца был более бдительным, – огрызнулась я, – мне бы не пришлось отвлекаться.

Только Кален открыл рот, как его опередил принц Канс:

– Кален, здесь нет ничьей вины, кроме моей. Я вел себя безрассудно. И если бы не твое хладнокровие, меня бы ждала печальная гибель. Из-за своего опрометчивого желания узнать, как работают аши, я поступил легкомысленно.

– Я могла бы вам сама обо всем поведать в безопасных стенах замка, ваше высочество, – сказала я. Кален фыркнул себе под нос, а Фокс у меня в голове усмехнулся. – Для этого не обязательно встречаться с дэвом самому!

– Слишком долго, Тия, я скрывался от реального положения дел в своем королевстве. Я не могу все время полагаться на книги и наставления советников о том, как нужно править. Как я могу принимать мудрые решения, не имея собственного опыта?

– Обычные люди не сталкиваются с дэвами каждый день, ваше высочество.

– В отличие от Темной аши, не так ли? Леди Микаэла по-прежнему восстанавливает силы, так что вся ответственность ложится на твои плечи. Мне хотелось увидеть тебя в бою, понять, как я могу облегчить твою ношу. Но, похоже, только усугубил ее.

Я почувствовала, как у меня запылала кончики ушей, и взмолилась, чтобы щеки не последовали их примеру.

– Любая данная вами ноша будет мне по силам. Безопасность вашего высочества превыше всего.

– Все равно от всех опасностей меня не уберечь, Тия. Но я очень постараюсь в следующий раз быть осторожнее.

– В следующий раз? – переспросила я.

А Кален вспылал:

– Следующего раза не будет, Канс!

– Ты больше не можешь указывать мне, что делать, Кален, – ответил принц. – Я должен знать, что творится в моем королевстве и за его пределами. Вообще-то, Тия, я надеялся сопроводить тебя, когда ты будешь возвращаться в Кион.

– Правда? – Мое настроение мгновенно улучшилось. Сердитый взгляд Калена был красноречивее всяких слов.

– Думаю, мы как раз доберемся к предстоящему *дараши оюн*. Я слышал, что в этом году главные роли снова исполняют Зоя и Шади. Ты отбываешь в Анкио после церемонии руны Сердца, которую проведет леди Микаэла?

– Примерно через неделю после нее, ваше высочество.

– Халад тоже придет. Я предложил ему комнату во дворце, но отец решил, что тому будет лучше поселиться в «Главе короля».

По лицу принца Канса пробежала тень, и я понимала отчего. Прошло уже немало времени, с тех пор как Халад стал учеником старого Кузнеца душ, но принц по-прежнему не мог избавиться от чувства вины, что унаследовал трон вместо него.

– Должно быть, старый кузнец настоял, – вмешался Фокс. – Он не слишком-то жалуется королю, как и большинство дворян Одалии.

– Мне кажется, дело не только в этом. Халад с отцом всегда были не в самых лучших отношениях.

– Именно так, – согласился король Телемайн, входя в комнату. Мне, как обычно, приходилось запрокидывать голову, чтобы смотреть на него; он был очень высок, но даже без своего исключительного роста производил внушительное впечатление. – Долгие годы он обвинял меня и всех аш в смерти вашей матери, хотя за время, проведенное с кузнецом, его гнев поостыл. Однако, приняв под своей крышей Кузнеца душ, будь то мой сын или нет, я спровоцирую еще большее недоверие и подозрение. Вдобавок уже к тому недовольству, которое вызывает проживание здесь Микаэлы.

– Он мой брат, а это все глупые предрассудки.

– Канс, я не желал серебряного сердца для Халада, но даже короли вынуждены соблюдать традиции. Мне самому хотелось бы обратного. Леди Тия, сэр Фокс, еще раз примите мою благодарность.

Мои руки утонули в огромных ладонях короля. Его сердце светилось признательностью, отчего я даже смутилась.

– Ничего особенного, ваше величество.

– Ничего особенного? Спасение моего сына и победа над ужасным чудовищем, свирепствующим в моем королевстве, для меня очень важны, леди Тия, и я сделаю все, что в моей власти, чтобы отплатить вам за оказанную услугу. – Король вдруг замолчал и нерешительно поинтересовался: – У Халада... все хорошо?

– Да. Он делает очень много полезного, ваше величество, и гордится этим.

– Это хорошо. Если бы... – Король вздохнул и устремил задумчивый взгляд куда-то вдаль.

Обычно безоары, добытые на территории королевства, передавались его правителю, но сейчас я никак не могла пошевелить рукой и достать камень. На помощь мне пришел Фокс: он вынул его из моего кармана и вручил королю.

Телемайн удивленно встряхнул головой и воззрился на фиолетовый камень.

– Столько войн ведется – и все ради маленького камушка. Леди Тия, сэр Фокс, прошу простить нас. Нам с Кансом нужно обсудить некоторые вопросы по поводу его дня рождения.

– Отец, я же говорил, что не нужно устраивать никаких пышных торжеств.

– Ты мой сын и наследник. Разве это не повод для пышного торжества? – Король раскатисто засмеялся. – Кален, мне понадобится и твой совет.

Принц Канс поклонился нам и вышел из комнаты за своим отцом, следом за ними – Кален.

– Тия, ты в порядке? – спросил Фокс.

– У меня, по-моему, онемели пальцы.

В голосе Фокса слышались беспокойные нотки:

– Тебе больно? *Азима* ранил тебя?

Как бы мне хотелось, чтобы Фокс, пусть и будучи фамильяром, не мог улавливать с такой легкостью мои настроения.

– Ничего особенного, просто болит голова.

– В последнее время она часто у тебя болит.

– Я устала. Да и прошлой ночью мало спала. – Что было не так далеко от истины. –

Отдохну, как только навестим Халада. Хочу узнать у него, как идет работа над новым сердцем для Микаэлы.

– Если бы он продвинулся, то дал бы нам знать.

– Еще, – я откашлялась, – я тут думала, что подарить принцу Кансу на день рождения.

У меня есть одна идея, хочу поделиться ей с Халадом.

Для того, кто больше не дышал, Фокс вздохнул как-то громко и раздраженно:

– Тия.

– Это всего лишь подарок! Я могу пойти и одна, если у тебя свои планы.

– Нет, я пойду с тобой. Но помани мое слово, сестренка. Ложные надежды не принесут тебе ничего, кроме страданий.

Теперь, оглядываясь назад, я понимаю: уже тогда мне следовало поинтересоваться, откуда в нем столько горечи, словно его замечание основывалось на личном опыте, а не было простым советом.

– Много не потребуется, – сказал Халад. – Несколько счастливых мыслей и чуточку ностальгии. За много лет это самое легкое, что мне доводилось делать. Ты убила *азима*? – Он помолчал. – Отдала безоар от... королю?

Комната ученика Кузнеца душ в «Главе короля» до отказа была забита книгами, бумагами, стеклянными сосудами странной формы и рядами разноцветных мерцающих пузырьков. Интересно, сколько Халад заплатил хозяину постоянного двора, чтобы все это разместить здесь?

– Да.

– Он сказал, что собирается с ним делать?

– Нет. Но он спрашивал о тебе.

Лицо Халада исказилось в мрачной гримасе.

– Мне все равно. Фокс, я сейчас буду извлекать у Тии счастливое воспоминание, так что ты со своей стороны можешь почувствовать некое потягивание.

– Спасибо, что предупредил.

– Халад, как давно ты общался с отцом? – спросила я.

– Не так давно. – Халад провел пальцем по моему лбу – это движение он проделывал множество раз. Появилось знакомое покалывание, когда он принялся просматривать мои воспоминания.

– Не думал навестить его? – не унималась я.

– Тия.

– Прости.

– Тому, что мы больше не общаемся, есть веская причина. И хватит об этом. – Он отнял руку, и за его пальцами потянулись слабые голубые и желтые нити. В их разноцветном сиянии я различила воспоминания о том, как бегу по полю со своими братьями и сестрами, как юный Фокс переносит меня на спине через мелкий ручей. Даже когда Кузнец душ забирает у аши воспоминания, она ничего не забывает, но эта процедура по-прежнему вызывает странные ощущения. – Как там леди Микаэла?

– Лежит в постели, отдыхает. О ней заботится Полер.

– Если заботой можно считать то, что она силой заставляет Микаэлу лежать, – вмешался Фокс.

– И это говорит тот, кто сам частенько мною командует.

– В отличие от тебя, леди Микаэла слушается, когда надо.

– Дети, тише, – спокойно одернул нас Халад. Его ловкие ладони разминали небольшой кусок глины. С пальцев слетали вспышки, комок скручивался и вращался под воздействием магии, которой я никогда не видела. Он замешивал в глину нити воспоминаний до тех пор, пока вязкая смесь не впитала их окончательно и не затвердела. После чего получившийся комок со звоном раскололся на две половинки, и внутри оказался круглый кристалл, переливающийся синими, красными и желтыми цветами.

– Не знаю, как его назвать, – признался Халад, протягивая мне шар. – Я такое делаю впервые. Он поднимет ему настроение и подарит спокойствие в минуты усталости. Могу себе только представить, с чем ему приходится справляться каждый день. Уж по чему, а по этому я не скучаю. У правителя никогда не остается времени на себя.

– А вообще скучаешь? – поинтересовался Фокс.

Халад показал на заставленные пузырьками полки.

– Сегодня я добыл редкое воспоминание. Его владелец, старик, избежал повешения в Дрихте. В одной из тех коробок хранится стеклянное сердце для женщины, которая все время забывает события предыдущего дня. Забавно, я забираю воспоминание у мужчины, который не желает помнить, для женщины, которая готова все отдать, лишь бы не забывать. За последние две недели я помог большему числу людей, чем за три года в качестве наследного принца. Единственное, о чем я жалею, что возложил эти обязанности на Канса почти без предупреждения. Раньше в убийстве своей матери я обвинял отца – и Темных аш, буду честным. Но теперь, когда злость ушла, неприязнь к отцу все же осталась. Со многими его взглядами я не согласен и всегда, демонстрируя характер, выступал против него. А он во мне вместо сына все время видел наследника. Он поддерживал Канса задолго до того, как мое сердце стало серебристым.

Халад замолчал и нахмурился.

– Тия, в последнее время ты не чувствовала недомоганий?

– У нее бывали головные боли, – пожаловался Фокс.

– Просматривая твои воспоминания, я ощутил кое-что необычное.

– Необычное? – Халад, как и я, умел отлично читать по сердцам, поэтому я всеми силами пыталась сохранять спокойствие.

– Не знаю, как это описать. Словно то, что раньше не было частью тебя, вдруг ею стало. Аена до сих пор в Ниве?

– Она очень тщательно охраняется ашами. У нее нет надо мной власти, Халад, как и у меня – над ней.

Мои слова, похоже, его не убедили.

– Я только что сразилась с *ашима*, Халад. Управление дэвом, даже на короткое время, не проходит бесследно.

– Тогда возьми выходной.

– Сам-то ты не следуешь своему совету.

Он улыбнулся.

– Кузнецам душ не приходится разбираться с дэвами. Хотя, как любит говорить учитель, в их компании, наверное, приятнее, чем с людьми, с которыми мы вынуждены иметь дело.

– Кстати, как он?

– Путешествует. – Халад, не способный тратить время зря, принялся складывать на столе пирамиду из камней. – В прошлом месяце был в Истере, сейчас в Даанорисе. Охотится за редкими воспоминаниями. А там как раз отмечаются несколько странных случаев сонной болезни.

У всех заболевших стеклянные сердца становятся серыми. Он работает над лекарством. Говорит, что надежда есть. – Он посмотрел на меня, а после опустил взгляд на небольшой стеклянный сосуд. – Мы пока так и не сумели добыть оставшиеся ингредиенты для леди Микаэлы. Мне очень жаль.

– Не стоит. – Сердце Темной аши невозможно восстановить, но можно выковать новое. Однако отыскать нужные для Микаэлы компоненты не так-то просто: воспоминание о любви и жертвенности, о совершенном отвратительном поступке и о выживании при ужасных обстоятельствах. Халад пока добыл воспоминание о последнем событии – моем противостоянии с Аеной и *ази*.

– Учитель как-то рассказывал мне о короле Ваноре, – неуверенно начал Халад. – Он встречался с королем незадолго до того, как его убили. Учитель не любил одалийскую знать, однако к моему дяде относился хорошо. По словам учителя, он не такой плохой, как ты думаешь...

Я тут же закрыла обеими руками свое сердце и сердито посмотрела на него.

– Ты видел, что я воскрешала Ванора! – упрекнула я его.

Халад покраснел.

– Я не могу выбирать: что мне видеть, а что нет. И ты это знаешь. – Его рука дрогнула, и каменная пирамидка рассыпалась. – Прости.

– Тем не менее ты ошибаешься на его счет. Он настоящий подонок, я даже понимаю, почему его убили.

– Тия! – предупредил меня Фокс.

– Тебе известно, что я права. Зачем Ванору прятать сердце Микаэлы, если он любил ее? Халад шумно выдохнул.

– Не знаю. Но учитель твердо уверен в невиновности Ванора. Он убежден.

– Не нужно чувствовать себя виноватым только потому, что вы с Ванором родственники. Нельзя отвечать за его поступки. Ты воспринимаешь все слишком близко к сердцу.

– Мой учитель много раз это говорил. Он прав, но мне это помогает лучше выковывать сердца. – Халаду вдруг захотелось сменить тему. Я не стала возражать. – Нам остается отыскать еще два воспоминания для нового сердца леди Микаэлы. Я рассмотрел два варианта, но ни один из них не обладает нужной мне силой.

– А как насчет отвратительного поступка, совершенного Безликим?

– Он может подойти. Известно, что они никогда не действуют вполсилы... – Он потрясенно замолчал. – Тия, ты же несерьезно!

– А почему нет? Она все равно заключена под стражу, да и не в том положении, чтобы нам отказывать.

– Тут я вынужден согласиться с Халадом, – заметил Фокс. – Аена, даже беспомощная, может быть очень изворотлива. Не втягивай Халада в войну, на которую он не подписывался.

Скрытые очками глаза Халада загорелись. Он потянул за белую, как у многих Кузнецов душ, прядь волос.

– Ты меня неправильно понял, сэр Фокс. Я не отказываюсь. Я не могу извлечь воспоминания у Безликой без ее согласия, зато могу отыскать в ее голове другие сведения.

– Меня окружают одни идиоты, – простонал Фокс.

– Стоит попробовать. – Халад помолчал, а после, бросив косой взгляд на мое сердце, добавил: – И советую не загонять себя ради Канса. Он бы этого не хотел. Порой он бывает немного... рассеянным. А теперь так еще чаще.

Неужели мои чувства настолько заметны всем, кроме самого принца?

«Именно, – раздался в моей голове голос Фокса. – Так оно и есть».

– С солдатами творится что-то странное, – сообщил Кален.

Действительно. Когда стрелы и горящая смола оказались неэффективны, солдаты повалили из даанорийского дворца. Их ждала верная смерть, однако они все равно с трудом шли вперед, словно каждый шаг приносил им страдания. Было видно, что они напуганы, от страха у них закатились глаза. Но даже через это сопротивление их тянуло к неминуемой гибели какой-то невидимой силой.

– Принуждение, и довольно слабенькое, – заметила Костяная ведьма. – Он неопытен и находится в отчаянии, ему едва удастся контролировать свою армию.

Меня потрясли ее слова.

– Но ведь только Темные аши способны на такую магию.

– А еще Безликие. Скорее всего, у него есть камень-поисковик, настроенный на призывы магии. Но темная гниль приходит быстро. Раз он свободно использует принуждение, то его владелец уже обрек себя на смерть.

В эту минуту сверху спустился гигантский трехголовый ази, аша с легкостью забралась к нему на спину.

– Ты говоришь, что я держу тебя в неведении. Поэтому предлагаю тебе увидеть все своими глазами. Если не боишься, полетели со мной.

Но я боялся. Я боялся ее дракона так же сильно, как и того, кто управлял бедными солдатами против их воли. Однако после всех своих слов я не мог отказать.

Обливаясь потом, я вскарабкался на спину ази и вцепился в него до побелевших костяшек пальцев, когда чудовище взмыло вверх быстрее ветра. В считанные секунды дэв домчался до замка. Рядом со мной с невозмутимым видом, словно она едет за город, восседала аша.

Ханьцзянь мы обнаружили на самой высокой башине. Произошедшие в нем изменения напугали меня. Всего несколько часов назад он в золотых доспехах отдавал приказы. А теперь лежал иссохший, словно невиданное существо высосало из него всю жизнь и кровь, оставив корчиться на полу как изможденную обезьяну. Он сжимал в руках круглый черный камень и что-то невнятно бормотал. Его постепенно накрывала тень, разрезая воздух будто хлыстом. Сердце мужчины пульсировало серебром.

– Он погиб, – спокойно произнесла аша. – Какая жалость. Мне бы хотелось, чтобы перед смертью он находился в здоровом уме.

При виде нас мужчина весь сжался.

– Ханьцзянь, твои хозяева обрекли тебя на смерть в тот самый миг, когда дали тебе этот камень. – Голос аши звучал холодно. – Вскоре темная гниль поглотит тебя без остатка. Отпусти солдат.

Мужчина взвыл от бессильной ярости, выкрикнул что-то невразумительное, а после резко взмахнул руками.

Тени вокруг камня сгустились. Конечности мужчины задеревенели и на наших глазах почернели. Лицо вытянулось, глаза чуть не вылезли из орбит. Он открыл рот, и я увидел вырастающие клыки.

Костяная ведьма не стала ждать. Все три головы ази ринулись вперед, и я, поддавшись трусости, закрыл глаза. Но, даже зажмурившись, я слышал рык чудовища и вопли обреченного мужчины, звуки разрываемой плоти и ломающихся костей. Когда все стихло, я с трудом подавил тошноту.

– Ты убила его, – прошептал я.

– Я спасла солдат. – Она стояла, сжимая в руках стеклянное сердце мужчины, и смотрела на его угасающий свет. Ее губы были изогнуты в мрачной удовлетворенной улыбке. – Все зависит от того, как посмотреть.

4

Гуманность короля Телемайна меня возмущала. В его сырых, но при этом чистых темницах ты, несмотря на пустоту, практически не чувствовал себя неуютно. Заключение, которая не только сделала все, чтобы лишить меня разума, но и попыталась убить Фокса, явно не заслуживала такой роскоши.

Порядок наших действий был прост: я всегда входила одна. Даже Фокс не допускался внутрь и оставался стоять по другую сторону решетки, вынужденный прислушиваться к малейшим признакам опасности через нашу связь.

Уже не в первый раз я пожалела, что Безликая погребена в Одалии, а не в Кионе. Поскольку императрица Аликс не захотела с ней разбираться, Телемайн предложил заключить ее под стражу у себя в королевстве. И теперь меня беспокоила близость Аены к принцу Кансу. Если лидер Безликих сумела прикинуться служанкой в Доме Валерианы – в моем собственном аша-ка! – то на какую еще хитрость она могла пойти, даже находясь в заточении?

Я ненавидела ее. Безликие использовали дэвов и стремились уничтожить королевства, чтобы заполучить власть. Аена же действовала исключительно из личных побуждений. Каждое событие с самого первого моего появления в Кионе происходило по ее задумке. Происшествие в чайной «Падающий лист», где она спрятала камень-поисковик, усиливший мои способности, которые вышли из-под контроля. Ази, которым она завладела до меня, убил несколько аш на *дараши оюн*. Гибель множества преследовавших ее Искателей смерти и мой, чуть не ставший последним, бой у озера Стрипник. У меня были все причины убить ее, но я не могла этого сделать, отчего приходила в дикую ярость. А все потому, что нам нужно было узнать об остальных ее замыслах.

Все мои допросы последних нескольких месяцев увенчались успехом и помогли предотвратить многие трагедии: нападение последователей Усижа на истеранский дворец, попытку взорвать дипломатическую резиденцию в Кионе, покушение на жизнь короля Телемайна. И все же каждый раз меня не покидало ощущение – учитывая ее дурную славу и высокое положение среди Безликих, – что она умалчивает о чем-то более серьезном.

– Будь осторожна, – как обычно предупредил меня Фокс. Я кивнула, и за мной с громким лязгом закрылись тяжелые металлические двери.

– Здравствуй, Тия.

Аена была прикована к стене, цепи позволяли ей перемещаться всего на пять дюймов в каждую сторону. Я знала, потому что сама установила это ограничение. Такого расстояния было достаточно, чтобы достать до ведра, куда она справляла свои нужды, и до еды, которую ей просовывал в щель в стене дежурный Искатель смерти.

Я ощущала опоясывающую камеру сильную защиту от рун, которая блокировала любую магию и создавала странную зияющую пустоту, некое чувство незавершенности. Здесь она не могла пользоваться заклинаниями.

Единственное, что осталось от ее бывшего изящества, – черное стеклянное сердце на шее, которого нельзя было лишить никакой магии без ее согласия.

– Сколько времени уже прошло, дитя? Два месяца? Три?

– Ты знаешь, зачем я пришла.

– Цель твоих визитов никогда не меняется, – рассмеялась она. – И все равно ты не задашь свой главный вопрос, на который с самого начала жаждешь услышать ответ.

– Мне это неинтересно.

– Очень жестоко так говорить, Тия. Неужели тебе настолько безразлична судьба Микаэлы, что ты с легкостью готова с ней расстаться?

– Не впутывай сюда Микаэлу.

– Мы обе знаем, что это невозможно. Только здоровье Микаэлы побуждает тебя безропотно брать на себя ее обязанности, хотя когда-то ты боялась занять ее место. И вот сейчас ты обрекаешь ее на раннюю смерть, отказываясь выслушать...

Ее слова вдруг перешли в испуганный визг. Аена отшатнулась к стене и начала биться в конвульсиях: голова моталась из стороны в сторону, все тело напряглось от боли. Через несколько секунд я отпустила. Она принялась жадно ловить ртом воздух. Доброте здесь не место.

– Я уже много раз повторяла тебе. Не смей в наших разговорах упоминать имя Микаэлы. Аена слабо закашлялась и усмехнулась:

– А ты настойчивая. Из тебя получилась бы отличная союзница.

– Расскажи все, что мне нужно знать.

Губы Аены изогнулись в ухмылке.

– Интересно, что например? Может быть, тебе рассказать о странной болезни, поражающей дворян в северных королевствах? Что за этим, возможно, стоит Усиж? Или что Друж собирается посеять хаос в городах-государствах Ядоши? А может, тебе поведать о том, что ты всегда боялась спросить: можно ли спасти Микаэлу? Не старейшины ли мешают найти ее сердце? Или... – Аена подалась вперед, отразив мою атаку, словно та была для нее не более чем ведром воды, – есть ли способ вернуть мертвого к настоящей жизни, свободной от рун и связей? Что ты предпочтешь, Тия?

После ее слов повисла гробовая тишина. Я сжала кулаки, стараясь не поддаваться эмоциям. Так всегда и бывало. Если Принуждением я еще была способна физически воздействовать на нее, то заставить ее раскрыть тайны, каковыми она не желала делиться, не могла. Мешал странный барьер в ее сознании, который мне до сих пор не удалось сломать.

– Расскажи о Ядоши и той странной болезни.

Аена разочарованно вздохнула:

– Мы с Усижем не всегда сходимся во взглядах на то, как нужно руководить Безликими, но я стараюсь быть в курсе всех его передвижений, чтобы его замыслы не пересекались с моими. Мне известно, что он собирался отравить нескольких королевских особ – это первый шаг на пути к обретению сердца сумрака.

– Что еще за сердце сумрака?

– В последнее время оно было связано с тобой. А почему ты так им заинтересовалась?

Ничего не ответив, я просто ждала.

– Ладно, на этот раз я скажу. – Аена ухмыльнулась. – Оно – награда, которую мы все ищем, леди Тия. Тебя не удивил цвет моего сердца, когда я открылась тебе в ту роковую ночь?

– Когда мы поймали тебя в ту роковую ночь, – уточнила я.

– Как бы там ни было, черное сердце – это неизбежная судьба любой Костяной ведьмы вроде нас с тобой, Тия. Темные аши живут недолго. Но если такое все же происходит, их сердца начинают гнить.

В воздухе, наэлектризованном злобой, повисло напряжение. Она снова улыбнулась, излучая таинственность.

– Как скоро, Тия, твое сердце станет черным, как у меня? Через год? Месяц? День? Я была внутри твоей головы. Я знаю о поселившейся тени. А знают ли остальные? Знает ли твой брат? Видимо, нет, иначе бы тебе не предоставили столько свободы.

– Хватит! – Пальцам не терпелось сплести еще руны. Если бы я только могла захватить власть над ее сердцем, то выжала бы из него все до последней капли. Но ни одна аша не под-

вергнет такой попытке даже самого закоренелого преступника. Поэтому я усмирила свой гнев. Какой бы я ни была, но я – не она.

– Если ты не предоставишь мне информацию о Ядоши и упомянутой болезни, я уйду. Какое отношение эта болезнь имеет к черному сердцу? Что Друж собирается делать в городах-государствах?

– Друж – полный кретин, который прибегает к старым уловкам, а сам хвастает, что они новые. Его цель на этот раз – лорд Бессерли в своем доме, через два дня. А что касается королевской болезни... – Она снова улыбнулась, но теперь в уголках ее губ притаилась горечь. – Старый Кузнец душ и его ученик. Печально, что молодой парень лишился всех титулов ради служения капризному старику, у которого практически нет чувства юмора.

Я продолжала молчать.

– Они прославляют Парящий Клинок, первого кузнеца, и Танцующий Ветер, первую ашу. – Аена хохотнула. – Хотя те с самого начала обрекли нас. Когда Изогнутый Нож почти нашел ключ к бессмертию, они объединились и убили его. Принц спас бы нас всех – не было бы ни смертей, ни болезней. Но вы, доверчивые глупцы, поверили в ложь Танцующего Ветра, якобы она все это делает ради любви. Любви! Ха! Впрочем, все мы, милая Тия, по-своему больны – наши сердца обречены на смерть. Как бы мы ни воевали, как бы ни спорили, со временем все это не будет иметь значения. Богатства и слава – ничто, когда твое тело загнивает. Однако есть способ – или так, по крайней мере, говорят – обрести бессмертие. Но для этого требуются не такие банальные ингредиенты вроде счастливых или грустных воспоминаний. Здесь важно происхождение. Поэтому нам нужны воспоминания королевских особ. – Заметив мое замешательство, она усмехнулась. – Легенда гласит, что Пять Великих Героев, потомки Парящего Клинка и Танцующего Ветра, победили первого Великого Дэва, скитавшегося по земле. Но уничтожили его не до конца. Так Великий Дэв распался на семь меньших дэвов.

– Я не желаю сидеть тут и слушать детские сказки, Аена, – вспыхнула я.

– Это не просто вымысел, Тия. Безоар Великого Дэва дарует бессмертие. Ты наверняка не станешь собирать безоары, не уверовав при этом в существование такой возможности.

– Какое отношение это все имеет к болезням знати? – нетерпеливо спросила я.

– Не обычной знати, а только той, что берет свое начало от Пяти Великих Героев.

Я изумленно уставилась на нее.

– Остальное пояснять нужно? На твоём месте я бы хорошенько присмотрела за одалийским королем. Его семья принадлежит к Дому Уайат, династии Великой Героини Анахиты. Будет жаль, если они заболели при необычных обстоятельствах. Я бы сказала, при довольно зловещих для помолвки обстоятельствах.

– Мне нужно твое воспоминание, – перебила я, не желая попадать на ее удочку.

– Да? Молодому Кузнецу душ понадобилась моя помощь?

– Ему необходимо воспоминание о совершенном злодеянии.

– О, таких у меня с избытком, – улыбнулась она. – Но ты мне дашь кое-что взамен.

– Это не просьба. И никакого обмена не будет.

– Тогда я отказываюсь. Может быть, потом мы сможем договориться.

– Я могу заставить тебя. – Хотя на самом деле это было не так. Даже Кузнецы душ не могли добыть воспоминания у тех, кто этого не желал.

Как это ни странно, она ухмыльнулась:

– Возможно. Ведь нет ничего более волнующего, чем навязывать свою волю другим. Давай, Тия. Подчини мой разум. Тут и без заклинаний все ясно: ты хочешь опробовать на мне свою силу, понять, способна ли ты стать более сильной Безликой.

Меня настораживало ее нездоровое давление. Я забарабанила в дверь, сообщая о том, что наша встреча окончена. Смех Аены еще долго звенел в коридоре, пока тяжелые двери не

захлопнулись за мной. Моих недовольных мыслей Фоксу оказалось достаточно, чтобы судить о результате нашего разговора.

Желая обсудить услышанное, мы тут же отправились к моим сестрам. Полер мы отыскали, как и прежде, в спальне Микаэлы. Из-за прикрытых штор в комнату проникал дневной свет, который укутывал светлые локоны Микаэлы золотистой дымкой. Короткие темные волосы Полер, напротив, солнца не любили.

– Заговор против короля? – удивленно вскинув бровь, спросила она. – А какие у нее доказательства?

– Все, что она нам рассказывала до сих пор, подтверждалось, – заметила я. – В любом случае предупредить ядошанцев не помешает.

– Она что-нибудь сказала о сердце сумрака?

– Немного. Безликие считают его способным принести им бессмертие, а для этого нужны потомки Пяти Великих Героев. Думаю, это может быть как-то связано с несколькими случаями сонной болезни, отмеченными в других королевствах.

Полер нахмурилась.

– Продолжай на нее давить, Тия. Если придется, вырви эти сведения клещами.

– Почему это так важно?

– Потому что так считают старейшины, потому что так, похоже, считает она сама и поэтому специально недоговаривает. От этого мне становится не по себе, – ответила Полер.

– По словам Аены, старейшинам может быть известно о... – Я замолчала и посмотрела на Микаэлу. – О сердце Микки. Она намекает на то, что они могут знать, где оно спрятано.

Взгляды обеих аш устремились ко мне.

– Этого не может быть! – усмехнулась Полер. – Аене нельзя доверять, Тия.

– Однако же другой информации от нее ты веришь, – заметил Фокс.

– Потому что эту информацию можно проверить. А сейчас это похоже на попытку посеять раздор.

Микаэла задумчиво коснулась пальцами губ:

– Король Телемайн не потомок Дома Уайат.

– О чем ты? – удивилась Полер.

Глаза Фокса округлились.

– Умерший король Рэндралл Тихий, которого Тия два года назад случайно воскресила.

– Тот, который заявил, что предок короля Телемайна был плодом любви королевы и командующего его армией, а значит, не считается его потомком. Нам пришлось очень постараться, чтобы подтвердить эти сведения, – сказала я.

– А это как-то влияет на притязания короля Телемайна на престол? – поинтересовался Фокс.

Микаэла покачала головой.

– У короля Рэндралла не осталось других живых родственников. Он признал сына королевы своим, а вместе с ним и его законнорожденность. Но даже без того принц Канс и Халад по-прежнему могут считаться потомками Дома Уайат по своей матери.

– В политике всегда все очень запутано, – посетовал брат.

– Мы должны провести собственное расследование по поводу этой странной болезни – каких королевств она коснулась и прочее, – нахмурившись, сказал Полер. – Странно, что мы вообще о ней почти ничего не знаем.

– Это не то, о чем королевства стали бы распространяться, – ответила Микаэла. – Тем более они могли и не заметить связи.

В этот миг в моем сознании снова промелькнула тень. Я увидела бьющиеся по обеим сторонам от себя крылья *ази*, парящего высоко в горах, куда не забирался ни один человек.

Прохладный ветерок приятно обдувал лицо, я прищурила глаза от ярких солнечных лучей. Ощутила, как *ази* нежно коснулся моего разума. «*Хозяйка?* – спросил он. – *Поиграем?*»

– Тия? Ты в порядке?

На лоб мне легла чья-то ладонь. Горы и свежий воздух исчезли, остались только недоуменные взгляды моих друзей.

– У нее был трудный день, – вступился Фокс.

– Тия, возвращайся в свою комнату и до ужина не выходи, – приказала Полер. – А мы пока займемся заговором против ядошанцев и болезнями.

– Но...

– Никаких «но», Тия! Иди! Я скоро зайду к тебе и проверю, лежишь ли ты в постели, как и полагается!

Полер все время обращалась со мной как с шестилеткой – этими мыслями я поделилась с Фоксом, когда мы вышли из комнаты.

– Ведь эту информацию добыла я. Можно было хотя бы сказать спасибо.

– Она точно так же командует и мной. Я не знаю ни одного человека, кто бы не сталкивался с таким отношением Полер.

Мне по-прежнему было не по себе. На меня невыносимо давила мысль о том, что мое сердце станет таким же черным, как у Аены. Как скоро оно изменит свой цвет? Через месяц? Год? Как это отразится на мне?

Но в одном Аена была права: я скрывала свою связь с *ази* ото всех, даже от брата. Я не хотела остаток своей жизни провести в темнице, как она, – с загнивающим сердцем без надежды на будущее.

– Он был Обреченным, – злилась она. Ее кулаки сжимались и разжимались. – Я думала, мы нашли всех.

– Обреченный?

– Некоторые заклинания обращают людей в дэвоподобных существ, чаще всего против их воли. Таково последствие темной гнили, хотя тут все было по-другому. Не случайно. Почти год я преследовала их. Видимо, нашла не всех.

Я вспомнил выпученные глаза ханьцзяня, его чудовищное превращение, перед тем как *ази* положил этому конец. Теперь видение будет преследовать меня до конца моих дней. Что за ужасная магия могла вызвать такие изменения?

– Он понимал, что обречен. Он сам завершил заклинание назло мне... – Девушка покачала головой почти с восхищением. – Обреченные обладатели серебряных сердец сильнее владельцев красных и страдают от еще более страшных последствий. Говорят, они даже убивают своих родных. Могут зарезать их до своего обращения или уже после вырывают у них сердца. Наверное, он думал, что в обличье проклятого станет сильнее, чем будучи человеком. – Ее губы изогнулись в кривой усмешке. – Но он ошибся.

Даже сейчас Костяная ведьма не проявляла никакого уважения к погибшему. Его обезображенное тело *ази* притащил в зубы, и теперь оно валялось на земле перед нами. Хорошо, что это отвратительное зрелище скрывал наброшенный сверху тяжелый плащ.

– Ты до сих пор злишься? – весело поинтересовалась она. – Несмотря на все твои странствия, к войне ты так и не привык.

Она все равно собиралась убить этого мужчину, будь он Обреченным или нет, и хотела, чтобы я видел его смерть.

– Ты так говоришь, будто есть особый рецепт, способный приучить к смерти, – с горечью произнес я.

– А он действительно есть, – ответила она. – Берем девушку, лишаем ее сердца. Добавляем щепотку трагедии и жажду мести. Делим ее на равные части скорби и ярости и подаем холодной. Это еще не самое ужасное, что тебе предстоит увидеть до конца недели. Если ты передумал по поводу нашей миссии, то можешь уходить. Я еще не закончила.

– Останусь, – коротко бросил я и встал на ноги. – Так или иначе, я пройду этот путь до конца.

Многие солдаты сбежали, а те, кто остался, просто не могли этого сделать из-за ранений. Кален осматривал их, переходя от одного к другому, и предлагал помощь, но они в страхе шарахались от него.

Аша позвала меня за собой. Я услышал позади себя хруст расколотого мрамора – это аэшма, самый маленький из дэвов, шел за мной по пятам. Вместе с трупом Обреченного он еле-еле протиснулся в двери замка.

Внутри дворец давно опустел, слуги и знать сбежали через пролом в стене. Утешало то, что в коридорах по пути нам не попадались мертвые тела. Аша нигде не задерживалась и уверенно переходила от одной комнаты к другой, пока мы не подошли к трону.

Я ошибся. Замок опустел не до конца. Кто-то восседал на золотом престоле.

Я все время видел императора издали, среди моря других лиц, когда во время парадов и процессий его проносили по людным улицам Сантяня. Даже слышал, что большую часть этой толпы тщательно отбирали и обучали опускаться по команде на колени, побуждая остальных следовать их примеру. Королевские стражники внимательно вычленили из этого собрания всех инакомыслящих, которых порой потом больше никто не видел.

Но даже стражники поддались предательству, и все подхалимы давно покинули императора Даанориса. Теперь, когда некому было воспевать его утонченный вид и горделивый облик, он лишился былого очарования. Обвисшие брови на опухшем от пороков и высокомерия лице. Несимметричные скулы и круги под темными глазами. У него было неприятное лицо, испорченное годами спеси и алчности.

Он решительно и неподвижно ждал приближения аши. Девушка остановилась перед ним настолько близко, что подол юбки касался ножек сверкающего трона. За ней следом подошел аэшма и бросил к ногам императора труп.

– Мой народ не потерпит такого оскорбления. – Меня удивило, что он владеет всеобщим языком. Его не потерявший силы голос зычно разносился по залу. – Ты проиграешь, и тебе не помогут твои мерзкие чудовища. Мои союзники...

Аша влепила императору звонкую оплеуху, лишив того дыхания и силы. Он рухнул на свой трон, и мой потрясенный вскрик эхом отскочил от мраморных стен.

– «Твой народ», ваше величество? – В ее устах его титул прозвучал как насмешка. Она пошевелила в воздухе пальцами, и император застыл. – Твой народ разбежался от так называемой свободы, сбросив с себя хомут, который ты накинул на их шеи. Твои союзники? Этот жалкий безумец, восседающий на престоле Дрихта, терпит тебя только ради денег, которые получает в обмен на одежду из рунных ягод и солдат. Даже сейчас он нарушил ваш уговор и вступил в союз с Дружем. Ты один. Будь любезен, пришли его сюда. Я вырежу его сердце и съем, а остатки скормлю своим дэвам.

Кален вышел вперед и схватил даанорийского императора за грудки. Его попытки сопротивляться оказались тщетны; Искатель смерти без труда оттащил его в угол зала и бросил там как мешок старых вещей.

Аша уселась на позолоченный трон Даанориса и произнесла:

– Итак, на чем я остановилась, Бард?

Церемония руны Сердца считалась для всех праздником: в этот день все дети в возрасте тринадцати лет получали свои первые сердца. Представители знати и простые жители наблюдали за тем, как аша с помощью рун наполняет стеклянные кулоны всеми оттенками красного. Иногда находились счастливицы, чьи сердца приобретали пурпурный цвет, который предопределял их судьбу ремесленника, неразрывно связанную с жизнью аш. Они становились аптекарями, созидающими красоту, создателями зиваров, портными, одевающими аш по последней моде, и даже деревенскими ведьмами вроде моих сестер.

Те, кому не так повезло, обнаруживают у себя серебристые сердца. Таким следует на следующий же день обратиться в сообщество аша-ка: девочек обучали ремеслу аши, мальчиков – Искателя смерти.

Рисование рун Сердца было настолько простой задачей, что с ней могла справиться даже больная Микаэла. Я бы, конечно, предпочла, чтобы она оставалась в постели, но, с другой стороны, понимала ее желание быть полезной. В отличие от несогласной Полер. Та как курица-наседка не отходила от Микаэлы ни на шаг, на случай если ее подруга споткнется. Но, к счастью, этого не случилось.

К ашам жители Одалии относились с подозрением, хотя терпели их исключительно из-за исторически сложившихся связей одалийской королевской знати с заклинателями. При этом Темные аши принадлежали отдельной категории, и ненависть к ним уходила глубоко в прошлое. Благодаря особой чувствительности к сердцам я ощущала витающие в толпе различные эмоции. Их презрение к Костяным ведьмам вроде меня и Микаэлы – единственным оставшимся во всех королевствах – было видно невооруженным глазом. Ведь так просто ненавидеть кого-то, находясь среди толпы, что можно не бояться последствий. Уже не в первый раз я задавалась вопросом, как Микаэле удавалось проделывать эту процедуру из года в год.

На церемонию пришли четыреста двадцать шесть детей, и уже к концу ряда моя сестра-аша обнаружила семь пурпурных сердец и три серебряных. Не об этих детях я беспокоилась. Среди всех серебристых оказались девочки. Мое волнение относилось к Лику, который стоял последним. Микаэле не нужно было рисовать для него руну Сердца, поскольку его кулон уже отливал ослепительным серебром. Но в силу его необычных обстоятельств ему все равно пришлось пройти церемонию, которую больше нельзя было откладывать.

Искатели смерти встречались реже аш, только количество Костяных ведьм было ограничено. За последние два года Лик стал единственным Искателем смерти, и это событие не осталось незамеченным. Все кругом вытягивали шеи и смотрели на него с тенью насмешки и смущения. Лик служил помощником у Чеш, известной создательницы зиваров, и сейчас был одет в свою рабочую форму. И все же, глядя на его изящные черты лица и стройную фигуру, в нем трудно было увидеть молодого человека.

Микаэла приблизилась к нему, не сбавляя шаг. С серьезным видом поклонилась юноше, Лик ответил ей со всем почтением. Но его смиренное выражение лица сменилось удивлением, когда вперед вышли другие аши: сначала Полер и Зоя, а за ними Шади и подруги Зои – Йонка, Света и Тами. А после, к моему удивлению, от толпы отделилась Альтисия. Я-то думала, она в Кионе, охраняет свою подопечную, принцессу Инессу.

Как бы мне ни хотелось присоединиться к ним, я осталась на месте. К сожалению, к заслугам Костяных ведьм одалийцы относились с гораздо меньшей благосклонностью, чем к ашам. Я наблюдала за тем, как мои сестры окружили испуганного Лика. Леди Микаэла отступила назад и бесшумно затерялась в толпе придворных и знати. А в это время Полер из своих коротких каштановых волос вынула усеянный бриллиантами зивар и аккуратно заколола его за ухом юноши.

Остальные аши последовали ее примеру: они снимали свои прекрасные заколки и надевали их на Лика. По толпе, осознавшей смысл этих действий, пронеслись удивленные вздохи. Мы подавали множество прошений в сообщество аша-ка с просьбой принять Лика в ряды аш, но все безуспешно. И теперь аши открыто, на глазах у всех, выражали свое несогласие.

Лик вздрогнул. Его взгляд метнулся в мою сторону, в ответ я обнадеживающе помахала ему рукой.

В этот миг вперед вышел принц Канс. На нем была королевская форма – церемониальная одежда с золотыми пуговицами и серебряной вышивкой, предназначенная только для коронации или королевской свадьбы. Он низко поклонился потрясенному юнцу.

«Если уж такое выражение одобрения не убедит сообщество, то ничто не склонит их на нашу сторону», – прошептал Фокс у меня в голове.

Принц повернулся к королю Телемайну. Я обернулась к толпе и заметила среди присутствующих Халада. Стиснув зубы, тот со злостью глядел на своего отца.

Рядом с нами бесшумно возникла Микаэла. Я коснулась ее рукава.

– А почему Альти здесь? – прошептала я.

– Несколько часов назад в Кион прибыла Первая Дочь, – откликнулась она. – Поэтому Альти, проявив проницательность, решила тоже принять участие в торжестве. Учитывая ее положение, ее действия вызовут поддержку и со стороны императрицы.

– Мне никто ничего не сказал. – Я чувствовала себя уязвленной.

Теперь она с удивлением взглянула на меня.

– Разве Полер тебе не сообщила?

– Нет. Принц Канс тоже все знал?

– Это он предложил. Его присутствие вызовет еще большее доверие к нашему прошению. Сообществу наверняка понадобится поддержка принца и в других вопросах, поэтому оно может оказаться более стоворчивым.

– Итак, наша церемония руны Сердца завершена, – раздался величественный голос короля Телемайна. – Молодые люди, распорядитесь вашими сердцами с умом и мудро выберите свой путь. Пусть сегодняшний день станет началом вашей жизни. Как он станет началом и моей.

По толпе поползли перешептывания – никто не понимал, о чем речь.

– Сегодня торжественный день, – продолжил король. – И будет уместно сделать еще одно объявление. Канс.

Наследный принц послушно вышел вперед, на его лице читалось смятение.

– Отец? Ты же не...

– Для меня честь, что сегодня здесь, в Одалии, день руны Сердца с нами празднует чудесная принцесса Инесса. Кион всегда был нашим самым верным союзником, и вместе мы подарили нашим королевствам мир и процветание. И теперь мы готовы официально скрепить наш долгий союз.

Рядом с принцем и его отцом появилась красивая молодая девушка. На ней было изумительное янтарно-белое *хуа*, его длинные рукава спускались вниз, как у всех кионских принцесс, а позади на несколько ярдов тянулся шлейф. По традиции верхняя часть ее лица была скрыта вуалью, но под прозрачной кружевной тканью угадывались тонкие черты. Я услышала, как Фокс рядом со мной резко втянул воздух. Через нашу связь пробежало потрясение, которое он быстро подавил.

– Сегодня я имею честь, – произнес король Телемайн, – официально объявить о помолвке моего сына, Наследного Принца Канса, и прекрасной принцессы Инессы, Первой Дочери Киона!

Толпа возликовала. Глаза Канса округлились, на миг он побледнел, но тут же взял себя в руки. Я отпрянула назад.

– Спокойно, – успокаивал меня Фокс, хотя у самого слегка дрожал голос. Он не мог оторвать глаз от принцессы Инессы, которая, заметив его, отвела взгляд.

Следующая пара часов прошла как в тумане. Я не осознавала, что делаю, словно наблюдала за собой со стороны. Видела, как улыбаюсь и пожимаю руку сияющему от счастья королю Телемайну.

– Следует поблагодарить Полер за то, что она помогла мне все это организовать, – сказал он и как обычно оглушительно рассмеялся. – Она настоящее сокровище.

– Правда, ваше величество? – пробормотала я, чтобы хоть как-то поддержать беседу.

– Она предотвратила заговор Безликих против ядошанцев – покушение на жизнь лорда Бессерли, Великого Герцога. Чем покорила их, и теперь мы ведем переговоры о создании между нашими государствами торгового пути. И она больше всех поддержала помолвку моего сына. Даже не знаю, как отблагодарить ее и всех аш.

Я едва успела поздравить принцессу Инессу, когда стайка служанок оттеснила ее к следующей группе желающих выразить свое почтение.

Потом мою руку сжала ладонь принца Канса. Как можно искреннее я произносила какие-то банальности, пожелала ему всего наилучшего в предстоящем браке.

Он улыбался в ответ, а я гадала: только мне привиделась слабая грусть, притаившаяся в уголках его губ?

– Спасибо, Тия, – сказал он. – Мне приятно твое одобрение. – Его добрые слова больно впивались в мою душу. – Жаль только... – Он замолчал, сведя брови, и озадаченно уставился куда-то поверх моего плеча.

Я обернулась, но никого не увидела.

– Принц Канс?

Он моргнул и тряхнул головой.

– Прости. Последние несколько дней у меня болит голова.

– Вам не стоит столько работать, ваше высочество.

– Знаю, но мне некогда отдыхать, а травяные чаи леди Альтисии, похоже, не помогают. – Я встретила взгляд его обеспокоенных зеленых глаз, когда он произнес: – Я хотел сказать тебе раньше. О помолвке. Я должен был сказать тебе раньше. Не знаю, почему я этого не сделал.

– Я думала, вы не знали, – смущенно проговорила я. – Во время объявления вы были явно удивлены.

– Я знал. Просто не ожидал, что отец провозгласит об этом сегодня. И он не... – Он снова замолчал, нахмурился, словно позабыл о моем существовании.

– Ваше высочество, с вами все хорошо?

– Канс, – окликнул его Кален, возникший у принца за спиной, – отец желает с тобой поговорить.

Принц снова встряхнул головой и слабо улыбнулся мне.

– Я должен идти. Еще раз спасибо, леди Тия. Кален, составь ей компанию за меня.

– У меня есть дела и поважнее.

– Нет. – Голос принца прозвучал необычайно строго. – Позаботься о ней. Я хочу, чтобы ты присматривал за леди Тией так же, как присматриваешь за мной. Мне нужно обсудить с отцом кое-какие важные дела.

– Она и сама может прекрасно о себе позаботиться.

– Пожалуйста, Кален.

Искатель смерти бросил на него сердитый взгляд. Мы оба глядели в спину удаляющемуся принцу, и, как только он скрылся из виду, я отвернулась.

– И куда это ты собралась? – спросил он.

– Подальше отсюда. – Меньше всего мне хотелось, чтобы Кален видел мои слезы. Я шагнула к двери, но он схватил меня за руку.

– Послушай, Тия. Я знаю, что ты...

Я развернулась к нему, сверкая глазами.

– Я думала, у тебя есть дела поважнее, – прошипела я.

Какое-то время он вглядывался в мое лицо. А после отпустил руку.

У двери меня с мрачным видом ждал Фокс, словно и сам собирался уйти. Но Полер перехватила меня раньше.

– Иди сюда, Тия, – приказала она. – Останься. Их королевское величество обидятся, если ты вот так сбежишь.

Возможно, на меня повлияли события этого дня вкупе с моей ранимостью, но я раздраженно ответила:

– Не хочу.

Полер нахмурилась.

– Незрелое поведение не красит ашу, Тия.

– Если бы ты не относилась ко мне как к ребенку, у меня, возможно, было бы больше поводов вести себя по-взрослому!

Она сердито посмотрела на меня, недовольная косыми взглядами, которые устремлялись в нашу сторону.

– Это все потому, что я не сказала тебе о нашем плане с Ликом? Брось, Тия. Не стоит устраивать шум из-за какой-то ерунды.

– Нет, стоит. По-твоему, я не должна злиться из-за того, что ты присвоила себе спасение лорда Бессерли, да? Или из-за помолвки принца, о которой я не имела понятия до того, как о ней объявили час назад?

– Тия, ты несправедлива.

«Тия, – предупредил меня Фокс. – Сейчас не время».

Я понимала, что мне лучше уйти. Скандал на глазах у кучи знатных особ никому не принесет пользы, уж тем более мне. Но от последней колкости я не могла удержаться.

– Или тебя больше устроит, если я закрою рот и буду делать только то, что ты скажешь, словно игрушечная собачонка, выполняющая команды, лишь бы угодить тебе? Видимо, не имеет значения, что я, усмиряя дэва, рискую своей жизнью, что я рискую рассудком, разбираясь с Безликой, которую тебе не хватает смелости допросить самой. Зато я веду себя незрело, да?

Не дожидаясь ответа, я развернулась и зашагала прочь. Хорошо, что она, осознав свое лицемерие, не бросилась меня догонять.

Празднование продолжалось всю оставшуюся ночь и, как мне потом рассказали, до самого утра. Мы с Фоксом почти не разговаривали и просто смотрели из окна моей комнаты на раскинувшийся перед нами город.

– Что мы делаем? – наконец произнесла я. – Насколько нелепо, должно быть, выглядим, расстроившись из-за помолвки двух людей?

– По крайней мере, мы до сих пор делаем это вместе.

Я начала хихикать, и он подхватил мой смех. Так мы с братом хохотали над нашей глупостью до тех пор, пока окончательно не выбились из сил, а на улице не погасли огни, один за другим, словно город прикрыл свои двадцать тысяч глаз и уснул.

Еще какое-то время Фокс оставался со мной. Вскоре я заснула, а проснувшись немного погодя, рядом его не обнаружила. Я мысленно чувствовала, как он бесцельно бродит по Ниву. А где-то за ним в моем сознании шевелились и вздыхали тени – *ази* ощущал мою грусть и сочувствовал мне.

Оставшись одна в комнате, я посмотрела на свой кулон-сердце, который засверкал при свете луны. На его поверхности время от времени вспыхивала смиренная печаль, но стекло,

стоит отметить, не омрачали ни обида, ни злость. Оказалось, не так-то просто разбить мое сердце.

– Я слышал о помолвке, – сказал я, невольно заинтересовавшись ее словами. – И все время гадал, в чем причина. – В Кионе браки по договоренности были редкостью. Собственность и титулы передавались по материнской линии, поэтому их женщины часто сами влияли на выбор мужа.

Костяная ведьма прикрыла глаза, тем самым завершив наш разговор.

– Я чувствую его, Кален, – спустя мгновение сказала она. – Он здесь, во дворце. – Она подошла к съездившемуся императору и спросила, повысив голос: – Где ты держишь его, слизняк? Если с его головы упал хоть один белый волос, ты будешь жалеть об этом всю свою жизнь.

Даанориец сжался еще сильнее. Темная аша резко взмахнула рукой, и он, поскуливая от боли, опрокинулся назад.

– В темницах, – выдохнул он. – В темницах!

Взгляд аши стал жестче. Она шагнула к распластавшемуся мужчине и склонилась над ним.

– Останешься здесь до моего возвращения, – сказала она. – С минуты, как я выйду из тронного зала, до того, как войду обратно, даже не смей пошевелиться или моргнуть. Только дернешься, и я скручу твои внутренности, раскатаю кишки как королевский ковер, и ты подохнешь, подавившись своей собственной печенью, пока я буду сжимать в руке твое сердце.

Император ничего не ответил и с круглыми от ужаса глазами остался лежать неподвижно.

Тогда аша почему-то рассмеялась.

– Ты беспомощен. Беспомощен! Ты не более чем насмешка. Какая ирония! – Она отпихнула его, отчего он снова отлетел в угол. – Если я найду у него хоть одну травму, ваше величество, поверь мне, я сдержу свое обещание и уничтожу тебя.

К трону подошел ази́ма и устроился рядом с ним, не сводя томного ленивого взгляда со свергнутого императора.

Кален тоже двинулся с места.

– Я поищу принцессу и поспрашиваю солдат об Обреченных. Они могли видеть других.

Аша кивнула.

– Иди за мной, Бард. Я хочу тебя кое с кем познакомить.

Я прошел за ней по коридору, и мы оказались в пустующей части дворца. Аше был знаком этот путь, она вынула меч и одним ударом разломилла запертую деревянную дверь. Нас встретила тьма. Девушка повела меня вниз к темницам, и я содрогнулся от мысли, что может нас там поджидать.

Всего одна камера оказалась занята. Когда аша приблизилась к ней, пленник сидел не мигая. Даже в темноте его сердце ослепительно сверкало серебром, освещая все вокруг.

– Бард, это Халад, – представила нас аша. – Старший сын Одалии, бывший наследный принц Дома Уайат и Кузнец душ Восьми Королевств.

Халад глядел на нас из-под удивительно белых волос – он был все еще молод, не старше лорда Калена, – его глаза сияли почти тем же самым оттенком, что и сердце.

– Почему так долго? – тихо спросил он.

6

– И чем я обязана такой чести? – протянула Аена. – Два визита за два дня! Какой удивительный сюрп...

Остаток фразы потонул в безудержном кашле, когда она привалилась к стене, хватаясь руками за горло. Я ненавидела бывать в ее голове, даже если приходилось получать от нее желаемое. Сейчас меня переполняли злость и нетерпение, и это был самый быстрый способ получить нужные ответы.

– Тия! – Никогда раньше Фокс не заходил со мной в камеру. Позади него маячил взволнованный Халад.

– Как ты узнала? – чуть не рявкнула я.

– Как я узнала что? – выдохнула Аена, хватая ртом воздух.

– «Я бы сказала, при довольно зловещих для помолвки обстоятельствах», – повторила я ее слова с нашей последней встречи. – Как ты узнала о помолвке принца и кионской принцессы? – Фокс вздрогнул от удивления, но я не обратила на это внимания. Меня уже пугала мысль о том, что кто-то из приближенных к принцу мог работать на эту Безликую мразь. – Кто твои шпионы? Отвечай!

Женщина слабо рассмеялась.

– Тебе нечего бояться, Тия. Я не подчиняла никого из одалийской знати. Просто нашла брешь в твоей защите.

Я надавила сильнее: не настолько, чтобы лишить ее дара речи, но достаточно, чтобы она поняла – я готова на большее.

– Эта камера охраняется магией, способной остановить даже дэва!

Аена улыбнулась.

– Ты преувеличиваешь. Да, согласна, магия впечатляет. Она не позволяет мне сбежать. А защита перекрывает твою связь с отважным старшим братцем и в меньшей степени с *ази*, с которым ты делишься своими сокровенными мыслями.

– Что? – воскликнул Фокс, но я не отступала.

– Хочешь сказать, ты можешь преодолеть эту защиту?

– Не так, как ты думаешь. – Она постучала по лбу. – Когда ты была всего лишь ученицей, я глупо полагала, что смогу подчинить тебя. Я внушала тебе мысли, которые ты считала своими. Но все изменилось, стоило *ази* выбрать тебя. Теперь я, стыдно признаться, вынуждена плясать под твою дудку.

– Это не ответ, – процедила я сквозь зубы.

– Это руна Предсказания.

– Такой руны нет.

– Тебе показать? – Аена закрыла глаза, и перед моим мысленным взором вспыхнула странная руна, которой я никогда раньше не видела.

Фокс тут же насторожился.

Ярче засияла руна Принуждения, когда я нырнула в ее сознание, приказав ей оставаться на месте и ничего не делать. Но при этом ее мысли витали там, куда я не могла дотянуться.

– У моей двери стоит охранник по имени Гарвет. Его жена на девятом месяце беременности и может разродиться в любой день. Он переживает, что из-за работы не сможет оказаться с ней рядом, когда у нее отойдут воды.

Фокс вышел из камеры, не успела она закончить свою мысль.

– С ним должно быть здорово, – весело проговорила Аена. – Разве ты не рада тому, что можешь проводить со своим братом времени больше, чем предначертано судьбой?

Я усилила хватку, и с ее лица слетела самодовольная улыбка.

– Поясни.

– Боюсь, будет трудно обучить тебя руне Предсказания в такой маленькой камере, еще и с защитой. Предлагаю небольшое вознаграждение за свою помощь: комнату побольше, может, настоящую кровать...

– Нет.

– Ты хотела воспоминание. Почему бы не попросить юного Кузнеца душ извлечь его сейчас из моего сознания? Он сам убедится, что я не лгу.

Я оглянулась на Халада, тот кивнул.

– Если это очередная уловка... – предупредила я.

Халад приложил палец к стеклянному сердцу Безликой. Его глаза расширились, рука вздрогнула.

– Не смущайся, – проворковала Аена. – Пусть мои необычные воспоминания не влияют на твоё мнение обо мне.

Халад резко отдернул руку и отступил назад. За его пальцами потянулся тонкий фиолетовый шлейф.

– Есть, – прохрипел он.

– Халад, все хорошо?

– Да. Просто... ее разум...

– Надо было тебя предупредить, – веселилась Безликая. – У меня довольно богатое прошлое.

– Она говорит правду. – Халад поместил фиолетовый дымок в стеклянный сосуд. – Но предсказание – это все, на что она способна сейчас.

К нам вернулся рассерженный Фокс.

– Охранника действительно зовут Гарвет. Каждое ее слово – правда. Будь она проклята. Он утверждает, что никогда не разговаривал с ней и уж тем более не входил в эту камеру.

– Он может врать, – настаивала я.

– Если хотите, я приведу вам еще примеры, – предложила Аена. – Здесь был принц. Несколько дней назад я слегка коснулась его разума. Он переживал из-за того, что, укрываясь все время в замке, не может управлять Одалией. Он хотел бы повидать остальные земли своего королевства, лучше понять свой народ. Вот тогда я случайно узнала о его предстоящей помолвке...

Я надавила еще сильнее и продолжала сжимать, пока ее глаза не закатились, а тело не задергалось.

– Тия! – Фокс обхватил меня руками, вырывая из плена ярости. – Тия, хватит!

Я отпустила ее. Аена обмякла. Упасть ей не дали запястья, прикованные к стене кандалами, которые удерживали ее в вертикальном положении, да и то едва. Голова повисла. Я уж думала, Безликая потеряла сознание, когда она просипела:

– Должна... тебя поздравить... Тия. Ты стала... только сильнее... за год, с тех пор...

– Тия, что на тебя нашло? – Фокс был в ярости, и вполне справедливо. Я не ответила ему, пытаюсь обуздать свой гнев, чтобы вновь не потерять над собой контроль.

Аена подняла голову. На ее губах застыла легкая улыбка.

– Хорошо. Обещаю больше никогда не залезать в голову к твоему возлюбленному принцу. Клянусь могилой своей дочери. Но что-то я сегодня разоткровенничалась. Поэтому взамен попрошу у тебя одну только книгу.

– Нет.

– Тия, это всего лишь книга, которая веками передается таким, как я. Многие готовы за нее убить, но я щедро дарю ее тебе и прошу защитить.

– Что это за книга?

– Книга скрытых рун, леди Тия. Раньше скрытыми рунами владели Темные заклинатели, но со временем аши специально – так гласят легенды – утратили их, чтобы Темные ведьмы вроде нас не поднялись слишком высоко. Именно оттуда я узнала о руне Предсказания, впрочем, как и о многих других. Второй экземпляр находится у ваших старейшин.

– Ты лжешь.

– Все дело в контроле, моя дорогая Тия. Они учат вас лишь рунам, необходимым для усмирения дэвов, а также рисковать своей жизнью ради их целей. Зачем им обучать рунам, способным возвысить тебя над ними?

– Тогда зачем ты отдаешь ее мне? – спросила я.

– Потому что я еще не отказалась от тебя. – Восстановив силы, она прислонилась к стене и потянулась. – Твоя злость вселяет надежду. Мы нуждаемся в твоей ярости. Как только ты услышишь мои слова – о силе этих рун и предательстве ваших старейшин, – возвращайся ко мне, и я все тебе расскажу.

– Мне не нужна твоя помощь.

– Ах, я уверена, эта новость не даст тебе покоя. Мы же были друг у друга в головах, Тия. Мне известно о тебе немного больше остальных. Я знаю про твою тягу к необычным книгам и необычным знаниям. Я знаю, что ты постоянно переживаешь за судьбу Микаэлы, беспокоишься, что однажды поселившийся в твоём сознании *ази* завладеет тобой – твой разум поглотит темная гниль, которой так пугают старейшины.

– В моей книге полно заклинаний, хранящих ответы на все твои вопросы. Как только ты почувствуешь вкус силы, ощутишь ее сладость, то сразу перестанешь играть в ашу и придешь к нам, Безликим, где твоим способностям найдут лучшее применение.

– Никогда, – выплюнула я.

– Никогда не говори никогда, Тия. Наша жизнь слишком коротка, чтобы предаваться вечности, о которой можно пожалеть. Да и в черном сердце нет ничего ужасного. С ним мы сильнее, больше окутаны Тьмой, меньше подвержены темной гнили. Вот только старейшины не позволят тебе так думать.

– Я тебе не верю.

– Черное сердце, в отличие от сердца Микаэлы, никто и никогда не сможет у тебя забрать. Черное сердце, кто бы им ни управлял, всегда возвращается к тебе, хочешь ты того или нет. Неужели мое предложение с книгой тебе не кажется заманчивым?

– Сам процесс ее получения делает его менее привлекательным.

Она рассмеялась.

– Немного разложения душе не повредит, Тия. Книга спрятана на одалийском кладбище. Там, где лежит бедная, всеми позабытая Милисента Тред из Истеры, ты найдешь свое истинное призвание.

Ничего не ответив, я направилась к двери.

– До новой встречи, – крикнула нам вслед Аена, прежде чем тяжелые металлические двери закрылись.

– Передайте своему командиру, что у Гарвета выходной, пока его жена не родит, – отдавала я указания проходящим мимо солдатам. – И я хочу, чтобы стража следила за этой камерой на расстоянии не меньше двадцати футов. Никто, кроме доставляющего еду Искателя смерти, не смеет к ней приближаться. – Я понимала, что такая мера, скорее всего, ничего не даст, но все равно должна была что-то предпринять.

– О каком поселившемся в твоём сознании *ази* она вела речь? – набросился на меня Фокс, как только мы покинули темницу. – Ты же убила его два года назад, не так ли? Он что, возродился?

Я сглотнула.

– Нет. Я его не убивала.

– Похоже, вам лучше поговорить наедине, – раздался позади нас взволнованный голос Халада. – Я пойду.

– Останься, Халад, – приказал мой брат. – Все это время ты забирал у Тии воспоминания. И ничего не знал об этом?

Кузнец нервно сглотнул.

– Ну...

Ахнув, Фокс изумленно уставился на него:

– Ты знал?

– Такова часть клятвы Кузнеца душ – любые воспоминания касаются только его владельца.

– Он не хочет ни с кем воевать! – возразила я. – *Ази* находился под влиянием Аены. Он сражался с ней так же, как и я. Теперь я нахожусь в его сознании, а он – в моем. Я знаю, что он не хочет никому причинять зла.

– Разорви эту связь, Тия! Это слишком опасно!

– Я не знаю как, даже если бы хотела. Но он понимает, что я, в отличие от Аены, не представляю для него угрозы. С тех пор как я им управляю, он даже не пытался напасть.

Фокс медленно покачал головой.

– Но это не делает его безобидным.

– Как бы там ни было, он ничего мне не сделал. Эта связь каким-то образом позволяет нам чувствовать друг друга. И... и когда мне нужно, дает над ним контроль.

– Тия!

– А что, по-твоему, я должна сделать, Фокс? Рассказать все старейшинам? Халад, поведай ему, что в этом случае произойдет.

Халад снова сглотнул.

– Тебя запрут в темнице, как Аену. Сочтут источником опасности для всех. И ничье влияние: ни Микаэлы, ни даже Альтисии – тебе не поможет.

– Тия, разве хотя бы Микаэла не должна знать? – упорствовал брат, но уже без прежнего недовольства – он понимал, что Халад прав.

– Она не больше моего знает, как разорвать связь. Зато я лучше ее знаю, как управлять дэвами. Что касается остальных... – Рассказать Микаэле – значит сказать Полер, а после нашей ссоры равносильно сообщению сообществу. – То, что я Костяная ведьма, еще больше все усложняет. Очень скоро люди станут требовать моей головы. Даже могут обвинить короля Телемайна и принца Канса в заговоре со мной. Я не могу этого допустить.

– Мне правда надо идти, – взволнованно проговорил Халад, пятясь назад. – Нужно спрятать это воспоминание в безопасном месте.

– Халад, ну-ка иди сюда. Я еще не закончил – вот черт. Ушел. – Фокс обернулся ко мне. – Я не «остальные», Тия. Я – твой брат. Ты должна была все мне рассказать.

– Я знаю о твоей нелюбви к дэвам, Фокс. Ты бы не одобрил.

– Но это не значит, что я бы не поддержал тебя. Твои проблемы – это мои проблемы. – Он помолчал. – По крайней мере, теперь мне понятно, откуда брались те странные ощущения, которые порой исходили от тебя.

– Прости. Я постараюсь больше ничего от тебя не скрывать, – сказала я и сжала его руку.

– Ты сказала «постараюсь», словно поступишь так еще раз, если это избавит меня от проблем. – Фокс вздохнул. – Полагаю, теперь у нас нет выбора.

– В чем?

– В том, чтобы отыскать проклятую книгу, о которой болтала эта гарпия. Если в ней сокрыта защищенная магия, способная разрушить эту связь, то нам стоит посмотреть.

– Я помню тот день, – признался Кузнец душ. – Твое сердце, Тия, светило так ярко. В нем была злость, досада, печаль – опасное сочетание. Помню и Аену. Она боялась тебя, как бы ни пыталась это скрыть. Она прекрасно преуспела в маскировке, но я все равно видел голубые всполохи.

– Удивительно, что ты столько всего помнишь, учитывая то, как быстро сбежал.

Кузнец душ засмеялся. Он оказался именно таким, каким она его описывала, и в то же время другим. За время странствий он загорел, у него были светло-серые глаза, практически бесцветные, как и его волосы, рассыпавшиеся по плечам. Он выглядел сильнее, чем я предполагал, – широкие, ссутулившиеся плечи, мощные руки. Прищурив глаза, он посмотрел на меня – столь знакомая мне привычка, поскольку у самого плохое зрение. А его сердце представляло собой настоящее произведение искусства: необыкновенный кристалл, в котором преломлялись множество красок, ограниченный лучи самого совершенного алмаза.

– Кто это? – спросил он.

– В некотором роде мой летописец.

Кузнец душ нахмурился, но его лицо выражало скорее грусть, чем злобу.

– Ты затеяла опасную игру, Тия.

– Не менее опасную, чем твой выбор, Халад. Нам обоим прекрасно известно, что мои возможности тают так же стремительно, как пустеет Даанорис.

– Как ты догадалась искать меня здесь? Я покинул Анкио, когда тебя уже изгнали.

– Я и не знала, – улыбнулась она ему. – Но предположила, что в Кионе ты надолго не удержишься. Сейчас Анкио и Одалия презирают тебя не меньше меня. Путешествуя вдоль берега в своем изгнании, я делала предсказания, и сознание привело меня к Сантяню. Представь мое удивление, когда я обнаружила, что во всем виноват он. – Она кивнула в сторону императора, который за время нашего отсутствия, сдержав обещание, ни разу не шелохнулся. – Я понимала, что он разыщет тебя и что тебе грозит опасность.

– Ты смогла предсказывать на таком дальнем расстоянии? Твоя сила возросла, с тех пор как ты... – Они встретились глазами, и аша кивнула. – Я успел не так много выковать для него, – продолжил он. – В темнице я пробыл не больше двух дней. Ты поэтому явилась в Даанорис со всеми этими дэвами в сердце?

– Ты видишь их?

– Ваши сердца переплетены, и только твоя смерть может вас разлучить. – Он выглядел обеспокоенным. – Тия, я боюсь.

Аша опустила перед ним на колени и обхватила его ладони.

– Ты остановишь меня? – прошептала девушка, и в этот миг она казалась такой юной. – Разве у меня есть другой выбор, Халад?

– Нет, – угрюмо произнес юноша. – Выбора нет. В том-то и дело.

– Ты одобряешь его?

– Нет. Но понимаю, почему ты так поступаешь. – Он снова взглянул на меня. – Как много ему известно?

– Совсем немного, – ответила аша.

– Я нашел принцессу, а оставшиеся солдаты ухаживают за ранеными, – в зал вошел лорд Кален.

У Кузнеца душ от изумления открылся рот. Он поднялся на ноги, когда к ним, продолжая говорить, приблизился лорд Кален:

– Сдались они быстро, так что с ними больше не должно быть хлопот. Тем более когда снаружи их охраняют дэвы. Привет, Халад.

Лорд Халад беспомощно шевелил губами, не в силах произнести ни слова, а из глаз текли слезы радости и потрясения. В рыданиях его стеклянное сердце сияло подобно яркой звезде.

– Приятно знать, что от тебя еще что-то можно скрыть, Халад, – с улыбкой заметила Костяная ведьма.

– Мы видели, как ты умер, – наконец прохрипел Кузнец души, сжимая плечи кузена. – Тия пыталась тебя воскресить. Мы не могли вернуть тебя к жизни. Мы видели, как ты умер.

– Теперь мне лучше, – ответил лорд Кален. На его губах блуждала странная улыбка, а сердце полыхало так же ослепительно, как у Кузнеца.

7

Заброшенная могила Милисенты Тред вся поросла травой и одуванчиками. Маленькое надгробие, знаменующее вечный покой, спрятали высокие сорняки и тяжелые камни. Ее тело покоилось в самом дальнем углу кладбища, на участке возле могил умерших еще в прошлом веке и давно забытых людей, куда редко кто ходил. Теперь мне было понятно, почему Аена прятала здесь свои секреты; далеко не каждый стал бы забираться в такую глушь. Милисенту Тред можно было найти, только зная, где она похоронена.

Несмотря на бурную растительность, земля вокруг ее могилы была недавно потревожена.

Почти два часа мы искали бедную Милисенту, а когда откопали ее маленький потрескавшийся гроб, небо вспыхнуло мягкими серыми разводами, предвещавшими рассвет. Я очень надеялась, что на этот раз ничто не заставит леди Микаэлу вылезти из постели. Иначе наше посягательство на эту могилу будет гораздо труднее объяснить, чем гробницу короля Ванора.

– Если она солгала, я сам ее придушу, – проворчал Фокс. Большую часть земли выкопал он, а я потела за нас двоих. Брат осторожно спустился в яму, отбросил в сторону щепки и сорвал с гроба то, что осталось от крышки.

Вдруг передо мной ярко вспыхнула неизвестная мне замысловатая руна. Послышался странный лай, а после иссушенная рука схватила Фокса за рукав. Брат тут же выхватил меч – его клинок сверкнул в тусклом свете – и отсек тощую руку четко в запястье.

– Так я и знал, – прорычал он. – Она нас подставила!

Из земли решил выбраться не только труп Милисенты Тред. Окружающие нас каменные плиты пошатнулись и рассыпались на части, когда из могил, клацающая прогнившими челюстями, показались их обитатели.

Фокс крутанулся и одним верным ударом снес две головы. Только черепа плюхнулись на землю, как на нас двинулись их тела. Брату приходилось сражаться с каждой отрубленной конечностью по отдельности, так что вскоре он перевернул меч рукоятью вперед и стал ломать кости его тяжелым тупым концом.

Я начертила в воздухе руну Принуждения, и на меня тут же хлынул поток разных личностей. Никто из покойников не пытался избавиться от моей власти; наоборот, им не терпелось принять меня, выложить все, что сохранилось в их сознании. Мою голову наводнила мешанина из мыслей:

...мой маленький мальчик Ахмед, пусть найдет время принести цветы на мою могилу...

...никчемный муж, вечно шляется до рассвета! Неужели так трудно навещать меня время от времени?

...моя дочь! Ты слышала что-нибудь о ней? Я столько лет жду ее...

Среди всего этого хаоса пробивались мысли *ази*. Я инстинктивно ухватилась за них и впустила знакомую магию, которая свободно заструилась по связывающей нас нити.

«*Возвращайтесь в свои могилы!*» Руна Принуждения запылала еще ярче, как никогда прежде, и мертвые замерли. Они словно марионетки, которых дергают за невидимые ниточки,

с жалобным стоном рухнули вниз. Только когда последний труп исчез в своей яме, я отпустила *ази*, обессиленно упав на землю.

Ко мне тотчас подбежал обеспокоенный Фокс.

– Это был *ази*?

Я слабо улыбнулась.

– Он... помог. Теперь нужно перевести дыхание. Какими бы страшными эти мертвецы ни были, они не представляли угрозы.

– Я тоже так решил. Мне удалось уловить их мысли. – Он оглянулся на могилу Милисенты. – Эта женщина кажется вполне миролюбивой. Так чего же добивалась Безликая, если не хотела на нас нападать?

– Думаю, она просто хвасталась одной из множества неизвестных рун из той книги.

– Зачем ей раскрывать свои тайны? Она же лишается преимущества.

– Я не знаю, каков ее план. Но если эта книга существует, я найду ее. Если есть какой-то другой способ управлять *ази*...

Брат покачал головой.

– Исключено. Ты поклялась избавиться от дэва, помнишь?

Помедлив, я все же кивнула.

– Да, я помню свое обещание.

– Хорошо, потому что я не дам тебе его нарушить. – Фокс повернулся к могиле Милисенты, в каждом его движении сквозила настороженность. Откинул ногой обломки, кончиком лезвия отодвинул в сторону останки женщины и заглянул внутрь.

– А она все-таки умеет говорить правду! – воскликнул он, извлекая на свет маленький прямоугольный сверток, завернутый в вощеную бумагу и перевязанный бечевкой. – Удивительно, как она сохранилась.

Я вспомнила вскопанную землю вокруг могилы.

– Если только ее не поместили туда недавно.

Фокс нахмурился.

– Точно. Но то, что по Киону свободно разгуливает союзник Аены, меня очень беспокоит.

Он передал мне сверток. Я развязала веревку.

Внутри оказалась старинная, но в хорошем состоянии книга в кожаном переплете. При виде вытесненной на ее обложке перевернутой короны у меня подскочило сердце.

– Фокс, это же герб Лжеправителя.

Я открыла книгу на случайной странице и увидела незнакомые руны. Листы пестрели старинными текстами, словно книга была написана во времена, когда в речи соблюдались определенные формальности.

– Эта руна позволяет управлять сотней мертвецов одновременно.

– Такое возможно? Разве аша не способна управлять самое большее десятком?

– Только если ты не используешь камень-поисковик. Но, когда ты недостаточно силен, тебя быстро поглотит темная гниль. – Я поморщилась, вспомнив свое первое знакомство с ним. – Надо проверить, так ли действенна эта магия, как утверждает книга.

– Нет.

Я взглянула на него.

– Фокс, я должна. Если какое-то из этих заклинаний работает, мы сможем использовать его с выгодой для себя. Раз уж нельзя рассказывать сообществу аша-ка про *ази*, то уж точно нельзя говорить им об этой книге. Лишь два человека способны справиться с этими рунами – это я и Микаэла, но она сейчас не в лучшей форме.

– Как только сообществу станет известна твоя тайна, тебя бросят в темницу за хранение книги – впрочем, как и за связь с дэвом. – Фокс помассировал висок. – Может, хотя бы поделишься с Полер и Альтисией?

Я задумалась. Мне вспомнился намек Полер на то, что я не способна повлиять на принимаемые сообществом решения, даже когда те касаются меня.

– Нет, – решила я. – Полер слишком близка к старейшинам. А Альти... я, правда, не знаю, как она на все это отреагирует.

– Ну ладно, – нахмурился Фокс, – пусть пока будет так. Но не смей экспериментировать без меня. – А потом впервые за все это время нехотя обратился к тени, которая спокойно у меня в голове подслушивала наш разговор: – *То же самое касается и тебя. Ты меня понял, змей-переросток?*

Вот он, типичный Фокс – я даже не удержалась от улыбки. А *ази* в ответ радостно заурчал.

По настоянию Фокса мы начали с самого простого заклинания – Предсказания. Его руна напоминала изогнутую ветку дерева, с переплетающимися вверху и расходящимися в разные стороны сучьями. Чтобы запомнить ее наизусть, нужно было время. Как и со всеми остальными рунами, сначала я должна была начертить ее, влить в нее свою энергию, а после направить в чужое сознание, обволакивая его.

– Надеюсь, это не скрытая руна Взрыва или та, что может заставить тысячу мертвецов полезть в окно?

– Тут, Фокс, я знаю не больше твоего. – Я сделала глубокий вдох. – Давай начинать. Мы можем спорить до посинения, но это ничего не изменит.

Ладонь Фокса легла на рукоять меча, словно оружие поможет нам во время заклинания.

– Пусть только высунется хоть одна гнилая башка, я мигом отправлю ее в ту преисподнюю, откуда она взялась.

Я снова изучила руну, стараясь запомнить как можно больше. Потом нарисовала ее в воздухе, мысленно прошлась по форме, пока она не стала осязаемой, и направила на Фокса. Между нами уже существовала связь, а искать сейчас другого добровольца не имело смысла.

Внезапно на меня нахлынуло головокружение, которое быстро ослабло. Я смотрела на Фокса, но при этом странным образом глядела на себя.

Я зажмурилась и в то же время увидела, как закрыла глаза.

– Фокс, повернись.

Мой ракурс сместился. Я исчезла из поля зрения, а на моем месте возник стоящий в моей комнате маленький комод и стул рядом с ним.

– Тия, что-то не так? – Наша связь сейчас была еще прочнее, его тревога и беспокойство казались мне моими собственными. Раньше я всегда чувствовала его эмоции, не испытывая их сама. А теперь через него ощущала окружающий мир.

Фокс был озадачен, и его озадаченность передавалась мне.

– Я не чувствую никаких изменений. Она вообще работает?

– Даже слишком. – Я рассеяла заклинание, и мысли Фокса исчезли, уступив место усталости. – Этой руной пользовалась Аена.

– Для первого дня достаточно, – заключил Фокс. – И не спорь со мной. Я уже устал чувствовать твоё истощение. Сегодня был долгий день.

Я попыталась возразить, но смогла только зевнуть.

Фокс уложил меня в кровать – он этого не делал с тех самых пор, как мы были детьми.

– Перестань загонять себя, – услышала я его нежный голос, прежде чем уснуть. – Мир не перестанет вращаться, даже если ты будешь спать.

Проснулась я свежей и отдохнувшей. Изумившись такому внезапному приливу сил, я села в кровати и увидела на столе книгу Безликих, припрятанную среди десятка других томов. Конечно, лучше бы Фокс забрал ее себе, дабы уберечь меня от беды, но в солдатских казармах вообще нельзя было ничего спрятать.

Я пообещала брату не экспериментировать, но это не значит, что нельзя просмотреть остальные заклинания.

Я вернулась с книгой обратно в постель.

«Руна Марионетки, – прочитала я, – требует большой сосредоточенности. Оплетите заклинанием свою жертву, чтобы управлять ею по своему желанию. Труп будет выполнять последнюю команду до тех пор, пока заклинание не рассеется или его хозяин не погибнет. Тем временем он, вернувшись к подобию жизни, будет двигаться и действовать независимо от других сил. Обладая достаточной мощью, можно поднять сотни и даже тысячи мертвецов».

Я посмотрела на символ. Если включить воображение, он напоминал марионетку, которую дергают за ниточки, с какой-то темной каплей на фоне. Должно быть, именно это заклинание Аена применила на кладбище. Но как? Разве Микки не говорила, что я не могу управлять мертвыми без их согласия? Эта книга нарушала все правила, которые я всегда считала неприкосновенными.

На следующей странице была нарисована руна в виде двух переплетенных сердец. Здесь говорилось, что с помощью руны Разделенного сердца можно поддержать гаснущее сердце вторым более здоровым, тем самым отсрочив смерть человека до оказания ему медицинской помощи. Ею даже можно было в какой-то степени управлять чужим сознанием. Но если руна Принуждения использовала силу, то Разделенное сердце было основано на доверии и давало гораздо лучшие результаты. А еще это, похоже, единственное в книге заклинание, которое могло применяться в равной степени как ашами, так и Искателями смерти.

Только Безликие, учитывая взаимное недоверие к ним, не особо жаловали эту руну. Когда несколько лет назад во время *дараши оюн* на нас напал *ази*, аши и Искатели смерти противостояли его атаке, объединив свои руны. А когда я сражалась с Аеной в Доме Валерианы, Микаэла, Полер и Альтисия придавали мне сил подобно тому, как я черпала силы у *ази*. Однако разделить с кем-то свое сердце – заклинание гораздо более личное.

Я перевернула страницу. Руна Иллюзии представляла собой череду завитков и петель. Она не столько внедряла какой-то образ в сознание другого человека, как большинство рун, сколько создавала иллюзию вокруг цели и изменяла ее – получался обман зрения, а не разума. Если применить эту руну правильно, то с помощью нее можно было спрятать здания, людей и даже мысли.

Еще одна руна относилась к одновременному управлению множеством *живых* разумов. *«Руна Господства – это вечная борьба, противостояние одной силы воли многим другим. Используйте ее на свой страх и риск».* Мне казалось, что каждую руну из этой книги следовало использовать на свой страх и риск.

Следующая руна походила на переплетенные лозы или, возможно, на клубок змей. *«Руна Подавления нацелена на камень-поисковик вашего врага. Направляйте сплетенный поток прямо в его центр, чтобы уничтожить источник».*

На следующей странице больше рун не было, только рисунок серебристого кулона-сердце.

«Тому, кто лишился стеклянного сердца и ищет путь Парящего Клинка: возьмите то, что в давние времена произошло от Пяти Великих Геров, и поместите в серебристое сердце, дабы оно засверкало вновь».

На последней странице я нашла рисунок еще одного сердца – на этот раз темного, по сравнению с ярким предыдущим.

«Тому, кто ищет путь Изогнутого Ножса: возьмите черное сердце, где спрятана кровь любимого, и безоары семи дэвов. Сварите каждый камень по отдельности и выпейте пузырек получившейся жидкости. Нарисуйте в воздухе руну Принуждения, перед вами предстанет сердце. Поместите его в свой стеклянный кулон.

Процедура не из приятных.

С каждым последующим дэвом темной гнили станет больше. Жертва велика, но награда бесценна. Единство семи в сердце тьмы и единство пяти в сердце света есть ключ. Объединив их во время Первой Жатвы, вы получите сердце сумрака и возвыситесь, как когда-то Великий Правитель, чтобы править по своему усмотрению».

Я не понимала, как Аена и другие Безликие были готовы стольким пожертвовать ради бессмертия, в попытке заполучить которое они все равно могли умереть. Поместите пять в сердце света? Сварите безоары? Первая Жатва? Больше похоже на подозрительный рецепт лекарства от всех болезней, которое продается в сомнительных кварталах Анкио. И все же...

Ни в одном заклинании не говорилось о том, как разорвать связь с *ази*. Вместе с внезапным облегчением ко мне пришло чувство вины.

Я просмотрела книгу до конца и обнаружила, что нескольких страниц не хватает. Аена, может, и собиралась мне помочь, но некоторые заклинания явно не были предназначены для моих глаз.

Я вернулась к заклинанию Предсказания. Свое обещание Фоксу я сдержала, однако клялась ему не использовать руны, которые еще не пробовала.

Меня вдруг окружили слабые вспышки мыслей – множество отдельных разумов. Вскоре я поняла, насколько трудно применять эту руну. Без определенной цели ее магия цепляется ко всем ближайшим мыслям. Аене даже не нужно было лично знать охранника Гарвета, чтобы проникнуть в его голову.

Я мысленно проследила за Фоксом и нашла его на тренировочной площадке, где он сражался с одним из соломенных чучел на поле. Его сознание было таким теплым и знакомым, будто спокойное чистое озеро, которое намного глубже, чем кажется.

Теперь он стал быстрее и сильнее. Его тело кружилось, вращалось так, как моя неуклюжая фигура никогда не сможет. Пока он наносил решительные удары, его меч мелькал со скоростью молнии. И в конце он последним взмахом снес своему соломенному противнику голову с плеч.

«Неплохо, – услышала я его мысли, – но еще недостаточно».

Сбоку послышались одобрительные возгласы, и моего брата накрыла волна смущения, отразившаяся в его сознании.

– Три чучела за неделю. Дай тебе десять минут, и от них ничего не останется, хотя у других они держатся месяцами. У тебя смертельные удары, сэр Фокс. – Я увидела улыбающегося командира Лоуда из одалийской армии.

«Но я еще недостаточно силен, чтобы защитить Тию», – подумал брат, а вслух произнес:

– Это все благодаря вашему великолепному командованию, милорд.

– Скромность – это, конечно, хорошо, но отмечать прогресс в чьих-то способностях так же необходимо, как замечать улучшения в чьем-то характере. – Мужчина похлопал его по спине. – Хотя должен признать, сейчас ты гораздо быстрее и сильнее, чем был в дозоре. Мы найдем этого проклятого дэва, Фокс, и отомстим ему.

– С нетерпением этого жду, командир.

– Хорошая работа. Скоро даже станешь под стать лорду Калену, а это говорит о многом.

Когда Фокс только появился у них, все мужчины побаивались его, а точнее его способности переносить ранения, от которых другие бы погибли. Со многими он дружил еще до того, как его убил *саурва*. Но принц Канс убедил меня, что солдаты одалийской армии самые лучшие в мире, что способности и отвага ценятся превыше всего и Фокса примут в независимости от его связи с Костяными ведьмами.

При мысли о принце Кансе у меня к горлу подступил ком. Я закрыла глаза и постаралась прогнать свои эмоции до того, как Фокс обнаружит мое присутствие.

Когда командир ушел, я вдруг уловила золотой проблеск и шорох шелка. За колонной пряталась девушка в вуали и смотрела на меня. Наши взгляды встретились.

В следующую секунду она исчезла, метнувшись в открытую дверь, ведущую во дворец. В сознании Фокса возникли воспоминания о лаванде и духах.

– *Это мне? – Она держала в руке простую серебряную заколку – силуэт лисицы, усеянный маленькими кристалликами.*

– *Прости. В ней, конечно, нет ничего особенного. – Даже самые крохотные бирюзовые камушки в ее волосах, должно быть, стоили раз в двадцать дороже этой безделушки. Но на солдатскую зарплату много не купишь.*

Кионская принцесса рассмеялась и прижала заколку к груди.

– *Не будь смешным. Я стану носить ее не снимая.*

Фокс моргнул и взглянул на небо.

– Тия?

Столь личное воспоминание заставило меня покраснеть.

«Я здесь, Фокс. Прости. Я проснулась и увидела, что ты ушел».

«Я тренируюсь с парнями. Хочешь, составлю компанию?»

«Не надо, я просто проверяла, где ты. – Я помолчала. – Наверное, мне нужно еще отдохнуть».

«Хорошо. Постарайся не переутомляться».

Он нежно вытолкнул меня из своего сознания, и я виновато вернулась к себе, сосредоточив взгляд на своей кровати, комнате и книге на коленях. Руна Предсказания открыла между нами новую связь – теперь я имела больший доступ к мыслям Фоксам, а значит, мне было проще тайком проникать в его разум.

Я думала о брате и принцессе Киона. Думала о том, как в ту ночь, после объявления о помолвке, звучал наш смех. Моя влюбленность в принца была безответной. Я представляла обещания, которых принц никогда мне не шептал, прекрасно понимая, что для меня он лишь ускользающая тень на стене.

Но когда мой рассудок не застилал собственный эгоизм, я видела, как Фокс печалится из-за их отношений с принцессой. Его горе казалось настолько острым, что проникало глубже любого шипа *азима*, и даже моя магия не в силах была его исцелить.

Халад говорил, что любые воспоминания касаются только его владельца. И как бы мы с братом ни были близки, некоторые воспоминания слишком личные, чтобы ими делиться.

Вздвигнув, я уставилась на свои руки. Изучение этих рун было явно меньшим проступком, чем прятать и пособничать *ази*. Я могла бы, по крайней мере, сказать Микаэлу. Могла бы...

Я задумалась. Микаэла очень слаба, и сейчас ей не нужны такие потрясения. Тогда Полер? Альтисия?

В памяти возникли слова Полер: *«Когда получаешь то, чем обладают Безликие: от самого ужасного дэва до невинных на первый взгляд рун... тут не может быть компромиссов».*

Микаэла так же заботилась об Илларе, как обо мне? Дрогнула ли моя наставница, прежде чем нанести смертельный удар? Дрогнет ли по отношению ко мне? Конечно, Полер преувели-

чила. Заключение в этой книге необъятную силу можно использовать на благо Киона. Ну и что, что это руны Лжеправителя, охраняемые Безликими? Сама по себе руна не определяет добродетель или безнравственность получаемой магии – определяет тот, кто ее применяет...

Нет, будет опрометчиво рассказывать кому-то об этой магии, решила я. Сначала нужно изучить руны самой и оценить, насколько они безопасны. Сейчас же мне смешно, насколько глупой я тогда была – полагала, что знаю достаточно много, чтобы заметить разницу.

Но страх – очень мощный мотиватор. Я уже подвергла себя опасности, впустив *ази*. Если приговора мне не миновать, то все равно, за что быть повешенной: за овцу или ягненка.

Я перевернула книгу. На меня смотрела опрокинутая вверх-ногами корона.

– Я одолею тебя, – сказала я ей. – Я всех защищу от тебя.

Только бы я еще была такой же уверенной, как и мои слова.

– И каким же заклинанием из книги ты воскресила Калена? – спросил Кузнец душ.

Костяная ведьма вдруг озорно усмехнулась:

– Это было не заклинание из книги.

– Можно? – Лорд Халад принялся внимательно рассматривать ее стеклянное сердце, прижав палец к его темной поверхности. Как только подушечка коснулась стекла, в нем появилась слабая вспышка. Сам кузнец не шелохнулся и просто наблюдал за тем, как вихрь цветов в ее сердце постепенно тает, а после убрал руку.

– Ты воскресила его силой собственного сердца, наполненного мощью семи дэвов. Ты знала, что это сработает?

– Нет. Но мне ведь обещали, что с помощью сердца сумрака я смогу заполучить все, что захочу. Так почему бы не это?

– Не понимаю, – вмешался я. – Ни для кого не секрет, что Темная аша способна воскрешать мертвых. Чем отличается этот случай?

– Обладателей серебряного сердца невозможно вернуть к жизни. А Кален вообще не должен был умирать. – Гнев, словно сильный яд, только подогревал ее решимость.

– Если ты воскресила Калена, – заговорил Кузнец душ, в его глазах вдруг вспыхнула надежда, – тогда ты можешь... Ты не?..

Костяная ведьма склонила голову.

– Не знаю. Но постараюсь. Это я могу пообещать.

– Спасибо, – по-прежнему вздрагивая, прошептал лорд Халад и повернулся к трупу, чьи выпотрошенные останки ничуть его не пугали. – Обреченный? – спросил он.

Она кивнула в ответ.

– Нам нельзя терять бдительность.

– Я проверю каждого солдата на наличие симптомов, – обернувшись к пострадавшим, пообещал Кузнец душ. По команде лорда Калена в зал внесли раненых, и вскоре комната наполнилась стонами и криками. Те, кого дэв не тронул, торопливо забежали внутрь, втаскивая за собой тяжелые котлы с водой.

– Поставьте их в конце, – наставляла аша. – Доведите до кипения.

Мужчины повиновались. Такими послушными их сделал аэшма, с интересом наблюдающий за ними, вкупе с ожидающим снаружи другим дэвом. Они едва взглянули на своего бывшего императора, который по-прежнему находился под пристальным чудовищем.

– Ты вылечишь их?

Костяная ведьма собиралась опустошить Даанорис, привести королевство в упадок. При этом приказала своим монстрам никого не убивать, позволила большинству жителей сбежать целыми и невредимыми. А теперь еще лечила раненых.

– Боюсь, Кузнец душ станет плохо обо мне думать, если я хотя бы не попытаюсь, – ответила аша, закатав рукава своего хуа, словно жена рыбака, готовая разбирать дневной улов.

– Я никогда о тебе плохо не думал, Тия. Кто бы что ни говорил. Чем быстрее мы разберемся с этими людьми, тем быстрее я закончу стеклянное сердце, которое тебе обещал.

– Л-леди Тия? – послышался незнакомый шепот. За спиной у лорда Калена пряталась испуганная даанорийская девушка.

Аша улыбнулась.

– Рада видеть вас во здравии, принцесса Яниео. Жаль, что мы снова встречаемся при столь неблагоприятных обстоятельствах.

– Что стало с королевством? Мой народ – его нет! У наших дверей чудовища! Леди Тия, что вы наделали?

– После каждого переворота приходит новый правитель. Ваш народ сбежал, но он вернется. Армия исцелится. Я пришла лишь для того, чтобы избавить Даанорис от опухоли, а хаос – самый быстрый способ вскрыть этот гнойник.

– Но о какой опухоли вы говорите?

– Вы еще спрашиваете? А кто держал вас в заточении ваших комнат все эти долгие месяцы? Кто сделал вас пленницей в своем собственном дворце?

Принцесса посмотрела на императора и отвела взгляд.

Голос Костяной ведьмы стал мягче:

– Вы до сих пор скучаете по нему?

Молодая девушка задрожала.

– Да.

Темная аша вздохнула. Наложила раненому солдату компресс из трав и поднялась на ноги. Затем подошла к девушке и взяла ее за руку.

– Яниео, одни дни будут лучше остальных. В другие вы будете просыпаться в слезах, и его имя будет первым слетать с ваших уст. Порой вы, стоя на одиноком пляже, будете смотреть на звезды в небесах и понимать, что они больше ему не светят. – Ее взгляд коротко скользнул по Искателю смерти, который занял место среди раненых и вернулся к принцессе. – Так устроена скорбь. Но она означает, что ты познал любовь. Любовь дает возможность скорбеть. И одно не может существовать без другого.

– Но, миледи, – задыхаясь, проговорила принцесса, – это несправедливо. Он погиб ужасной смертью, из-за меня.

– Жизнь вообще несправедлива, моя дорогая. Как, порой, и смерть.

8

– Тия! Ты там? Тия!

Я сунула книгу под подушку и выскочила из постели. Прокляла время, себя, даже стоящего у двери и орущего Калена, а потом снова себя до кучи. Я совсем забыла о тренировке!

– Твоему опозданию нет никакого оправдания! – накинулся на меня Кален, как только я открыла дверь. Его каштановые волосы были убраны назад, рука замахнулась для повторного удара в дверь, если я задержусь хотя бы на секунду. – Избавь меня от объяснений. Если у тебя есть время бездельничать, то найдется время и для тренировки. Пошли!

– Я сожалею!

– Одними сожалениями сыт не будешь, – прорычал он, но больше ничего не сказал и потащил меня на тренировочное поле. В обычной жизни он наверняка донимал всех окружающих своими возражениями, поэтому мое извинение, должно быть, сильно его удивило, а я не из тех, кто стал бы извиняться.

На поле оказалось пусто. Слегка дернув связывающую нас с братом мысленную нить, я узнала, что Фокс с остальными солдатами переместился на площадку для стрельбы из лука. Кален не стал терять времени зря. Вопреки своим предыдущим угрозам он принял оборонительную стойку и предоставил мне возможность первой нанести удар.

Сегодня я была медленнее и неповоротливее обычного. Мечом я владела не особо хорошо, хотя Кален долгие месяцы обучал меня этому навыку. Тем не менее Искатель смерти никогда не бросал безнадежное дело, даже если этим делом была я.

Мой первый удар Кален отразил. Я слышала его приказы: «Подними руку! Шевели ногами!» – однако тело меня не слушалось.

Видимо, все дело в заклинании Предсказания. Я же использовала его до того, как Кален стал барабанить в мою дверь, и теперь мой источник адреналина иссяк, а второе дыхание так и не открылось.

Воспользовавшись своим низким ростом, я пригнулась и подала меч вверх. Кален уклонился от моего удара, а я сумела отразить его следующую атаку. Он отступил назад и снова замер в ожидании, но я так и не узнала, удастся ли мне повторить нападение.

Мои колени подогнулись, и я, должно быть, потеряла сознание, хотя даже не помнила, как ударилась о землю.

Придя в себя, я обнаружила, что сижу, опираясь на ствол дерева, а под головой у меня покоится свернутый плащ. Рядом со мной дежурит Кален, в его взгляде читается смесь тревоги и раздражения.

– Леди Тия, все хорошо?

Кален никогда меня так не называл.

– Разве не ты мне говорил, что в бою не место вежливости? – прохрипела я, испытывая странную легкость в голове. Я ощутила на лбу что-то холодное и успокаивающее.

– Бой закончился, как только ты потеряла сознание. Почему ты не сказала мне, что истощена?

– Не было времени, – промямлила я, но это была правда только отчасти. – Ты вытащил меня из комнаты, словно во дворце пожар. Но сейчас мне уже лучше.

– Не ври. – Кален бросил колючий взгляд на зеленые всполохи в моем стеклянном сердце. Иногда я забывала, что он способен читать по ним так же хорошо, как и я. – Я должен был догадаться, что что-то не так. Ты ужасно работала с мечом, оставляла защиту открытой, так что любой опытный противник мог уже несколько раз проткнуть тебя и сбежать прежде, чем ты пришла бы в себя. А еще ты все время пытаешься объять необъятное, хотя опоздание никогда не входило в разряд твоих плохих привычек.

Только Кален мог одновременно обидеть и похвалить меня.

– Рада, что ты такого высокого мнения обо мне, – сказала я, но мой сарказм остался незамеченным.

– Понимаю, что я – последний человек, кому ты раскроешь свои секреты. Но у тебя полно друзей в аша-ка, которым можно довериться. Поделись своими тревогами с братом. Нельзя держать их в себе, а потом лишаться из-за них сна.

Он что, пытается быть милым? Я-то привыкла к другому, агрессивному Калену – тому странному зверю, с которым не знаю как обращаться.

– О чем ты толкуешь?

Мне показалось или он только что покраснел? Кален умел великолепно прятать свои эмоции, и только его сердце не могло скрыть явного недовольства.

– О принце Кансе, конечно! – вспыхнул он. – Хватит себя жалеть!

Я изумленно уставилась на него. Мне и в голову не приходило, что таким образом Кален пытается меня подбодрить.

Его голос смягчился:

– Он никак не мог повлиять на свою женитьбу. Да никто не мог. Это всего лишь договор между императрицей Аликс и королем Телемайном, союз между Кионом и Одалией. Принц Канс не испытывает к принцессе Инессе ничего, кроме глубочайшего уважения, однако сам не рад. Полер и Микаэла были в курсе предстоящей помолвки, но я не знал, что тебе ничего не сказали.

Я почувствовала, как у меня пылает лицо. Из-за моего смущения попытки Калена утешить меня стали еще более формальными и неуклюжими.

– Для нас всех эта новость стала неожиданностью. Принцесса Инесса очень зла на Канса и короля Телемайна, хотя и не может открыто это показать.

– У нее нет для этого оснований! – не сдержалась я. – Нечестно, что принц Канс должен терпеть ее гнев ради своего отца...

Я замолчала. Кален улыбался – какая редкость.

– Канс может пойти войной на простую деревню, а ты все равно будешь его защищать, да?

– Просто их брак не должен начинаться с недомолвок, – пробормотала я и попыталась встать. Кален, положив руки на плечи, мягко, но с силой удержал меня на месте. – Я же сказала, со мной все в порядке.

– Нет, не в порядке. – В его голосе снова слышалось раздражение – вернулся знакомый мне Кален. – Перестань уже упрямиться. Попытайся чаще полагаться на других.

– Я не могу! – злобно выпалила я. – Ты знаешь, каково это, когда нельзя повлиять на мнение людей о тебе? Когда тебя боятся и ненавидят, даже если ты защищаешь их и помогаешь им? Когда тебя считают неважной твои же друзья – те самые люди, на которых ты равняешься? Это несправедливо!

Повисла тишина, прежде чем Искатель смерти ответил.

– Ты права, – сказал он. Что-то в его голосе вынудило меня внимательно взглянуть на него. – Совершенно несправедливо. Но ты живешь с этим и принимаешь. Какой прок жаловаться, если ты ничего не можешь исправить? – Кален стиснул челюсти.

– Что такое?

– Ничего.

– Несколько секунд назад ты просил меня полагаться на других людей и не упрямиться.

– Официальная церемония обручения, – вздохнул он, – состоится через неделю. Король Телемайн временно освободил герцога из Хольсрата, чтобы тот мог присутствовать на помолвке и свадьбе.

– Герцог из Хольсрата? Но... – Брат короля долгие годы томился в темнице. Его заточили за попытку поднять восстание против своего же родного брата. Знатное происхождение спасло его от виселицы, но не от пожизненного заключения.

А Кален был его сыном.

– Кровные узы крепче предательства, – горько усмехнулся Кален. – Наверное, король Телемайн желает примириться с братом, несмотря на все его деяния. Но какова бы ни была причина, мой отец будет присутствовать на помолвке вопреки всем слухам.

– Каким слухам?

– Неважно.

– Кален!

Он бросил на меня быстрый взгляд, но все же сдался:

– Люди всякое говорят. Они думают, что герцог до сих пор планирует занять трон. Что я специально втерся в доверие к королевской семье, чтобы добиться определенного влияния, необходимого для его помилования.

Я понимала его, и вместе с тем мне было стыдно. Калена осуждали намного дольше, чем меня. Быть сыном предателя очень тяжело, но самому считать себя предателем, невзирая на то что ты отдал свою жизнь на служение тем самым людям, которые презирают тебя, еще труднее. Я была объектом для насмешек чуть больше двух лет. А Кален – с самого детства.

– Мне жаль. – Меня ужасало то, что я совсем забыла о сочувствии, забыла о его личной трагедии и заикнулась на своих переживаниях. – Все мои слова о ненависти – я не имела права тебе их говорить.

– Людям нужно кого-то ненавидеть. И проще всего направить ненависть на другого, чем на самого себя. Мне ли этого не знать, – необычайно спокойным голосом добавил Кален. – Я ненавидел отца практически всю свою жизнь.

– Он был жестоким? – нерешительно поинтересовалась я и тут же выругалась про себя. – Прости. Тебе необязательно отвечать.

– Три извинения за день? Многообещающе. – Не успела я возразить, как он продолжил: – Нет, он был добрым и мягким, каким только может быть отец. Его изменила мамина смерть. На нее напал дэв, как и на маму Канса и Халада. – Кален мрачно улыбнулся. – Так мы с ними стали своего рода кровными братьями. Через три месяца после их смерти мой отец поднял бунт против престола. До тех пор он был с королем в хороших отношениях. Когда умер Ванор, а Телемайн занял трон, он был еще почти ребенком и ни разу не выказывал желания захватить власть. Однажды он попрощался со мной и исчез на несколько месяцев. В следующий раз я увидел его уже в кандалах.

– Король пожалел меня и принял в свою семью: сначала в качестве друга для Канса, а после его стражника. Выучившись, я смог пользоваться рунами – для меня это стало благословением. У меня появилась цель и больше шансов защищать королевскую семью. И тогда уже людская ненависть перестала иметь значение.

– Вот и неправда! – с жаром воскликнула я. – Они тебя не ненавидят. Солдаты, включая командира Лоуда, относятся к тебе с огромным уважением! Тебя все очень любят, и я ни разу не слышала, чтобы о тебе отзывались с презрением. Если кто-то не видит твоей преданности, то они... они не заслуживают даже взгляда в свою сторону!

Кален изумленно уставился на меня, и я вдруг поняла, что в пылу своей речи наклонилась к нему слишком близко – мы оба это заметили. В голове промелькнула мысль: *«Улыбайся он так же часто, как Канс, мог бы быть таким же привлекательным»*. Я отстранилась с пылающими щеками и стала поспешно подыскивать какие-нибудь обидные слова, чтобы сгладить нелепость сложившейся ситуации.

– А если... если их оскорбляет твое безобразное лицо, то это уже совсем другое дело.

Это было абсолютно неверное заявление и жалкая попытка съязвить. Кален начал смеяться, и от этого мне стало только хуже. *«А он и правда такой же красивый, как принц Канс, когда смеется»*.

– Вообще-то я пытался поднять тебе настроение. Когда это мы поменялись ролями?

Я уже придумала остроумный ответ, но не успела и слова произнести, как он легонько шлепнул меня по голове.

– Ладно, на сегодня тренировки достаточно. Надеюсь, к завтрашнему бою ты хорошенько отдохнешь, хотя очень сомневаюсь, что что-то сильно изменится.

Пока он вставал, я провожала его злобным взглядом. Искатель смерти, не обращая на это внимания, заговорил, тщательно подбирая слова:

– Мы с Кансом близки как родные братья. И оба знаем принцессу Инессу с самого детства. Он никогда не говорил, что относится к ней иначе, чем к другу. Мне также известно, что

он считает тебя одной из своих самых близких и самых надежных соратниц. Пусть он никогда и не говорил о своих чувствах вслух, но я подозреваю, его решение лично управлять королевством вызвано желанием оберегать тебя. Не знаю, станет ли тебе от этого легче.

Я не сдержала улыбки.

– Спасибо, Кален.

– Не за что. Приятно знать, что Канс серьезно относится к своим обязанностям наследного принца, хотя я совершенно не рад дополнительной ответственности, которую он на меня возложил из-за тебя – в том числе тренировать того, кто не поддается обучению.

– Ты просто ужасен! – Мои слова громким эхом пролетели над пустым полем.

В ответ Искатель смерти только засмеялся и пошел прочь.

– О влюбленности Тии в принца я узнал еще во время нашего первого знакомства, – тихо произнес лорд Кален, пока аша медленно ходила между рядами раненых. – И с той поры каждая встреча, каждый наш разговор были продиктованы этим знанием. Я был враждебно к ней настроен еще задолго до того, как нас представили друг другу.

Мужчины больше не вздрагивали от прикосновений аши. Когда леди Тия оказывала им помощь, они расслаблялись и отдавались на милость ее рук. В зал привели еще людей – простых жителей, – захваченных во время боя. При виде ашима, который издавал странный рык и ложился на пол, устроив голову между передними лапами, они вскрикивали. Их больше пугала его покорность, чем усеянное страшными шипами тело.

– Но почему? – спросил я. На протяжении всего рассказа аши Искатель смерти молчал, просто слушал и лишь изредка возражал. О своей жизни он поведал немного. Кроме того, что предложил своей возлюбленной отказаться от этой затеи и сбежать, я не знал, как он относится ко всему этому безумному вторжению. И то, что сейчас он сам, пусть и с моей помощью, говорил со мной, меня обнадеживало.

– Так мне сказала жрица. – Заметив мое вытянувшееся от удивления лицо, он усмехнулся. – Искатели смерти такие же заклинатели, как и аши, только нас не обучают изящным искусствам. Мы подчиняемся многим традициям квартала Ив и предстаем перед жрицей после окончания своего обучения. Сам я никогда не верил в ее существование.

– Но что жрица вам сказала?

Костяная ведьма стояла возле принцессы Янишо, которая все с тем же страхом глядела на ашима, и что-то говорила ей. Из окна мне был виден дым, поднимающийся с полей за пределами города, – свидетельство бывшего сражения. А внизу под нами бродили наготове остальные дэвы. Таурви и саурва выли от скуки, тыкались носами и игриво подталкивали друг друга, словно резвящиеся львята. Нангхайтя стоял с гордым видом; я с ужасом заметил еще несколько лиц, выглядывающих из-под складок на его шее, так что с помощью них он мог обозревать весь горизонт. В небе звучала песня ази, кружащего над городом.

– Жрица сказала, что она убьет принца.

Я ахнул.

Он снова улыбнулся.

– По крайней мере, так я решил. По первости я отрицал ее пророчества. Магию и руны еще можно было объяснить. А вот предсказаниями, по моему мнению, славились мошенники и шарлатаны. Моей обязанностью было защищать принца, и Тия в моих глазах выглядела такой же угрозой, как и любая другая.

– Но ее пророчество не сбылось? – спросил я.

Тут к аэима приблизился маленький мальчик – в силу своего возраста он еще не мог почувствовать опасность. Шипастый дэв повернулся к нему и принялся задумчиво разглядывать ребенка. Затем, понюхав его пальцы, довольно заурчал, словно бы смеялся. Ребенок в ответ захихикал и ладошкой погладил его покрытую шерстью морду.

На смех ребенка обернулась его мать и с тревогой прикрикнула на него. Мальчик тут же, забыв о своих играх, бросился к ней. Оставшись без друга, аэима жалобно хныкнул и опустил голову.

– Нет. Жрица оказалась права. Это я неверно истолковал ее слова. Она просила меня быть осторожным, поскольку следующая Темная аша, которая появится в Кионе, принесет с собой смерть любимого человека. Многие годы я полагал, что предсказательница говорила о принце. – Он вскинул бровь. – Забавно, как все обернулось, не правда ли?

9

Ты, наверное, думаешь, что истощение, возникшее после использования руны Предсказания, меня как-то остановило. Фокс считал меня сумасшедшей.

– С чего ты взяла, что со временем станет лучше? – спросил он, когда я изучала страницы книги.

– На Аену она практически не действует. Я могу тренироваться до тех пор, пока не достигну такого же результата. – По мнению Безликой, я способна стать сильной заклинательницей, и этим словам я была готова поверить. – Вот, послушай. – Я помахала книгой перед лицом брата. – Здесь говорится о руне Вуали.

– Я разбираюсь в этом так же, как в дрихтианском.

– Если все сделать правильно, то эта руна может закрыть доступ к твоим мыслям и не позволит другим использовать на тебе заклинание Принуждения.

Эта информация привлекла его внимание.

– И что для этого нужно?

Мои пальцы скользнули по рисунку руны, выведенной на странице темно-красными чернилами. Я старалась запомнить наизусть ее сложный узор.

– Применив заклинание, я должна мысленно представить у себя в голове щит.

– Щит?

– Или дверь, как здесь говорится. Что угодно, что лучше всего в твоём представлении закрывает тебя от внешнего мира. Не знаю, влияет ли это как-то на связанных с тобой фамильяров.

– Ничто не мешает попробовать. И как долго действует это заклинание?

– До тех пор, пока ты удерживаешь щит. Поначалу придется сознательно прикладывать усилия, но с практикой, согласно книге, ты постепенно научишься удерживать защиту даже во сне. – Я начертила в воздухе руну и поняла, что мне больше подходит образ закрытой двери. Я чувствовала, как Фокс аккуратно прощупывает мое сознание, проверяя его на прочность.

– Я ничего не чувствую от тебя, – заключил он.

– Правда? – спросила я. В эту секунду мое внимание рассеялось, и его сознание плавно вплыло в мой разум. – На деле оказывается труднее, чем кажется, – пожаловалась я.

– Как думаешь, на мне сработает? – поинтересовался Фокс.

Я решила проверить. В этот раз начертила руну вокруг него. Осторожно влезла в его голову и натолкнулась на непроницаемую преграду, разделяющую наши мысли. Попыталась надавить на нее – бесполезно.

– Похоже, на фамильяров тоже действует. – Я ощутила, как его дверь чуть сместилась, но осталась такой же прочной. – Отличный способ иногда для разнообразия держать тебя и твоего трехголового питомца подальше от моей головы.

– Ты чувствуешь его?
– Лишь местами. Он вызывает у меня легкий дискомфорт, как ботинки, которые немного жмут.

– А как тебе удается не отвлекаться и удерживать преграду?

Фокс ухмыльнулся:

– Наверное, это как-то связано с тем, что я мертв. Ты не подвержен случайным мыслям, тебя больше волнует вся картина целиком. Мне всегда было легче раскладывать все по полочкам.

– Из тебя вышел бы очень хороший Искатель смерти, Фокс.

– Даже не думай. Давай лучше посмотрим, как долго я смогу продержаться. Какую еще руну проверим?

Следующей мы опробовали руну Разделенного сердца, которая ничего не дала.

– Видимо, она только для заклинателей, – заключил Фокс. – Или для живых. Что там дальше?

Я откашлялась, стараясь не показать своего волнения.

– В общем, есть одно заклинание, о котором я хотела с тобой поговорить...

Он сердито посмотрел на меня.

– Мы же договорились, что ты не станешь в это лезть без меня.

– Но я ничего не обещала по поводу чтения. – Я положила книгу ему на колени. –

Посмотри сам.

– Ты же знаешь, я не понимаю и половины этой абракадабры.

– Здесь все просто.

Я была поражена. Пока он читал, его лицо побледнело, но мысленная стена так и не рухнула. Наконец он поднял на меня глаза.

– Тия, что все это значит?

– Именно то, о чем ты думаешь. – Это была самая сложная руна из всех, что я видела, – клубок из пересекающихся и загибающихся в разные стороны линий, напоминавших разросшийся колючий куст или попавшую в паучью сеть кляксу.

Если остальные руны были расписаны мелким курсивом, то описание этой было изложено на всю страницу большими печатными буквами, будто сам автор подчеркивал всю важность этого заклинания.

Она называлась руной Воскрешения и могла с полной уверенностью вернуть к жизни любого фамильяра.

Меня не волновало, что эта руна была раз в двадцать сложнее ядошанской архитектуры, что я была здравомыслящей Костяной ведьмой, – я собиралась выучить это заклинание, чего бы мне это ни стоило.

Однако Фокс моего восторга и воодушевления не разделял. С хмурым видом он, стиснув челюсти, еще раз прочитал написанное.

– Тия, это слишком опасно.

– Возможные шансы на успех стоят этой опасности.

– Нет, не стоят! – Он ткнул пальцем в страницу. – Ты читала, что для этого требуется?

Я уже знала ответ. В то утро я много часов просидела, глядя на страницу, словно от этого моей совести станет легче. *«Влейте в сердце фамильяра соки Первой Жатвы, чтобы вернуть то, чего лишила смерть. Но будьте осторожны, ибо Первая Жатва – это яд, который с прикосновением убивает всех, ашу и фамильяра, даже владельца черноты. Сорвите его фрукт и испытайте смерть».*

– Мы можем попросить помощи у Халада. Возможно, это...

– Тия, здесь говорится, что он убивает каждого, кто притронется к нему! А это значит, кто бы ни воспользовался этой руной, он пожертвует своей собственной жизнью!

– Мы даже не знаем, что такое Первая Жатва. Я искала везде, но ни в одной книге она не упоминается. Однако, как я уже сказала, мы можем найти лазейку...

Фокс со всей силы стукнул по столу, отчего дерево треснуло.

– Не играй словами, Тия! Хочешь ты того или нет, но кому-то придется умереть, и я точно знаю, кто это будет. Ни при каких обстоятельствах ты не посмеешь рисковать своей жизнью ради меня. Ты меня поняла?

– Я не... – Но это была ложь – он это знал. В этот миг Вуаль спала, и я уловила бурю его эмоций: потрясение, тревогу, решимость, злость – такой злости от него никогда не исходило. А еще страх – жуткий страх, какого я ни разу настолько остро не ощущала в его сознании.

Я импульсивно бросилась к нему и обняла за пояс.

– Я не буду. Обещаю. Дело не в том, что у нас нет времени или тебе угрожает какая-то опасность. Просто я тоже тебя защищаю, понимаешь? И не смогу этого делать, если умру.

Повисло молчание. Кулак Фокса медленно разжался, он вздохнул и обнял меня в ответ.

– Только не забывай об этом, малышка. Ты же знаешь, я пропаду без тебя.

Училась я быстро и скоро запомнила почти все руны наизусть. На протяжении шести дней мы тренировались, а когда не проверяли книжные заклинания, то я крепко спала. Но чем больше я экспериментировала, тем меньше уставала.

Наконец мы научились продлевать действие руны Вуали: оказалось, проще воздвигнуть тот же самый щит в сознании у нас обоих, чем выстраивать свои собственные преграды. Это превратилось в своего рода игру – мы узнавали, как долго можно продержаться и кто из нас с этим справится лучше. Порой я улавливала присутствие *ази*, хотя тот лишь проявлял любопытство к нашей магии.

На настоящих трупах применить руну Марионетки мы не могли, поэтому тренировались на крысиных костях. Я, как предписывала книга, связывала вместе нити магии, приказывала крысам бежать из одного угла комнаты в другой и отпускала. Скелеты грызунов срывались с места и дальше неслись сами, без какого-либо моего участия.

С руной Иллюзии оказалось сложнее. После того как я научилась плести заклинание вокруг объекта, а не вливать магию в него самого, у меня вышло спрятать его из виду. Эту руну я опробовала на Фоксе.

– Я не чувствую изменений, – заявил его бесплотный голос. – Хотя меня смущает то, что я не отражаюсь в зеркале.

– Не шевелись, иначе останешься невидимым навсегда. – Заклинание оказалось слишком хорошим. У меня ушла на него уйма попыток, и стало получаться только тогда, когда Фокс начал нервничать.

– В следующий раз, – прорычал он, наконец снова став видимым, – мы используем для него проклятый цветок в горшке.

Тренировать руны Господства и Подавления нельзя было в силу их последствий, но я все равно изучала их. А также вернулась к заклинаниям сердца света и сердца тьмы, хотя понимала, что мы не могли – и не должны – никак их применять. Как и руну Воскрешения.

– Нам надо найти другой способ, – отрезал Фокс, и на этом разговор был окончен.

Работа над заклинаниями помогала мне не думать о предстоящем обручении принца Канса. Фокс никогда не говорил об Инессе, но время от времени я улавливала мысль, видение о том, как они с принцессой вечером гуляют в районе кионского рынка или вместе пьют в чайной приправленный мятой *дух*. А еще чувствовала, что он не желает об этом говорить, и поэтому молчала. Из-за подготовки к вечеру в честь помолвки Полер и Альти, к моему огромному

облегчению, были постоянно заняты. После той ссоры я еще не была готова разговаривать с Полер.

После нашей последней тренировки Фокс, продолжая прочно удерживать примененное мной заклинание Вуали, вернулся к себе в казармы. А я снова просматривала книгу Аены. Но стоило мне с головой уйти в чтение, как преграда начинала ускользать от меня, что очень раздражало. Удивительно, как самые легкие, на первый взгляд, заклинания всегда требовали больше всего практики.

Тогда я решила отработать руну Предсказания. Я по-прежнему с опаской подходила к тому, чтобы подглядывать за кем-то во дворце, поэтому наконец выбрала ту цель, из-за которой меня не будет мучить совесть.

«А я все думала, когда ты доберешься до меня», – раздался в моей голове протяжный голос Аены, доносящийся из темницы. Несмотря на всю ее браваду, я ощущала в ней некую неловкость. И мне это доставляло удовольствие.

«Зачем ты рассказала мне об этой книге?» – спросила я. – *Тебе же от этого никакой выгоды».*

Она усмехнулась:

«Думаю, я просто хотела разыграть последнюю карту. И как ни странно, ты мне нравишься. Ты умна, изобретательна и еще не испорчена ашами, хотя несколько лет в Кионе, безусловно, ослабят твою самостоятельность. Аши, в отличие от меня, многого не умеют, а твои проблемы не решит жалкими рунами, которым тебя обучают в твоём аша-ка».

«Но дело не только в том, что я тебе нравлюсь».

«Верно, – ответила Аена. – Теперь я знаю, что хитростью тебя не уговорить – как раз из-за этой ошибки я сейчас заключена в темнице. Потому я обращаюсь к правде, где обману не место. Я ничего не прошу, Тия. Ни освободить меня из тюрьмы, ни присоединиться к нам. Я лишь желаю показать, как аши обманули тебя. В своей жизни я совершила много ужасных дел, милое дитя. Но твои аши поступали еще хуже. Пришло время взглянуть на них новыми глазами. Если ты готова выслушать меня, я расскажу тебе все о старейшинах, их кознях и более могущественных рунах из моей книги».

«Что такого сделали старейшины, что даже твои злодеяния меркнут по сравнению с ними?»

«Именно старейшины сговорились спрятать сердце твоей сестры».

«Ты лжешь!»

«С какой целью? Можно легко удостовериться в том, что я говорю правду. Спроси у них, почему они так быстро оставили поиски. Спроси, почему король Ванор отказывается говорить даже после смерти. Спроси, почему их так интересует сердце сумрака. Спроси, чем на самом деле заканчивается история Парящего Клинка и Танцующего Ветра. Какие тайны ты обнаружишь, оказавшись в кабинете госпожи Гестии?»

Потрясенная ее словами, я быстро оборвала нашу связь. Это невозможно. Она лжет. Зачем старейшинам утаивать сердце Микаэлы?

Вдруг мой разум захлестнул поток чужих эмоций, внезапных и знакомых. Вуаль растворилась, Фокс сломал преграду.

Руной Предсказания я мысленно потянулась к нему, уже собираясь поддеть его по поводу такой оплошности, когда увидела не тренировочное поле или соломенных чучел. Передо мной было рассерженное заплаканное лицо принцессы Инессы.

Она была необычайно красива: от изящно вздернутого носика и высоких скул до гладкой безупречной кожи. Но больше всего привлекали внимание ее ярко-голубые глаза – доказательство давней связи королевского дома со старым королевством Архен-Кошо, – которые в Кионе встречались редко и составляли разительный контраст с ее каштановыми волосами.

– Я могу делать все, что захочу. – Я никогда не слышала, чтобы принцесса разговаривала вот так – ее приятный мелодичный голосок сейчас звучал громко и резко. – И не тебе указывать, куда мне идти или за кого выходить замуж!

– Но это не твое решение, верно? – голос Фокса тоже звучал иначе. Слишком спокойно от сдерживаемой с огромным трудом злости. – Почему ты хотя бы раз в жизни не можешь быть честна?

– Ты последний, кому следует говорить о честности! – выпалила она. – Между нами ничего нет! И никогда не было!

Я согнулась от резкой боли в груди. Но вспышка быстро угасла. Фокс ответил, не меняясь в лице:

– И поэтому последние три недели ты подглядываешь за моими тренировками.

На этот раз она отпрянула, и я увидела, как ее стеклянное сердце заволокло голубым туманом. Она вцепилась в ворот своего платья.

– Я не... Я...

– А теперь выходишь замуж за одалийского принца, – безжалостно, к моему большому сожалению, продолжил брат. – Приятно видеть, что ты сама принимаешь решения.

Принцесса вскинула подбородок.

– Это решение никогда не было моим. Но я в отличие от некоторых сдерживаю свои обещания.

– Сначала сдерживаешь обещание незнакомцу, затем – принцу. А между делом еще Ахмеду, Фаршиду, Хамиду и любому, кто хоть взглянет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.